

«Детское чтение для сердца и разума».

Н. М. Карамзин

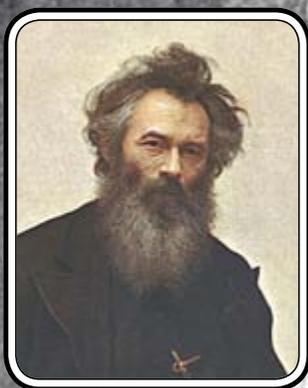
РОМАН-ГАЗЕТА

3

Детская

■ 2017 (213)

6+

РУССКИЙ МУЗЕУМ:

Иван Шишкин

РАССКАЗЫ:

Когда мамы с папой нет дома

Лев Львович Толстой
Яша Полянов

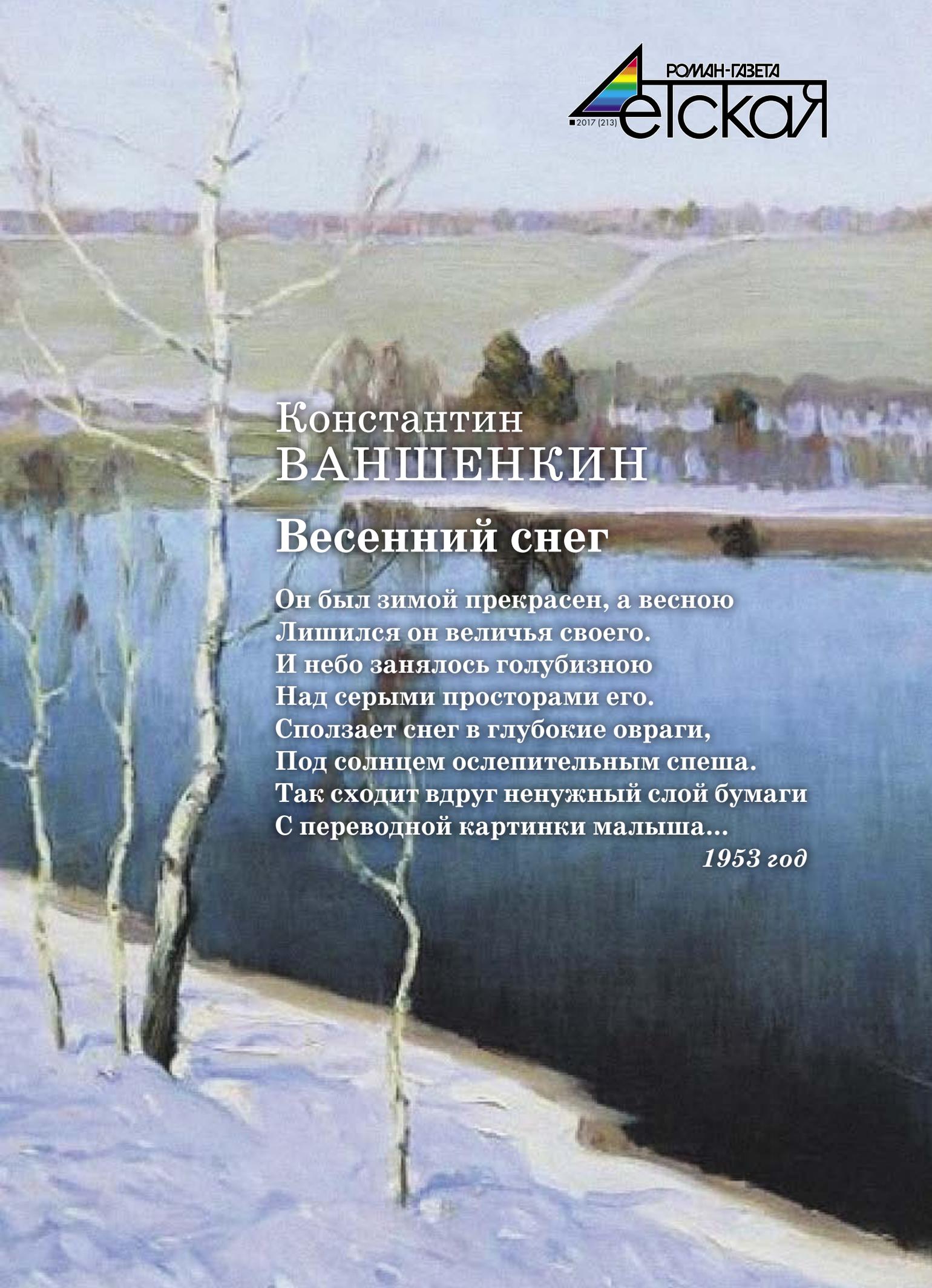
ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

В. Бялыницкий-Бируля. Ранняя весна.

Константин
ВАНШЕНКИН
Весенний снег

Он был зимой прекрасен, а весною
Лишился он величья своего.
И небо занялось голубизною
Над серыми просторами его.
Сползает снег в глубокие овраги,
Под солнцем ослепительным спеша.
Так сходит вдруг ненужный слой бумаги
С переводной картинке малыша...

1953 год

Б. Кустодиев
Масленица
1916 г.

В номере:

3

Граф Лев Львович Толстой

Яша Полянов

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

Непревзойдённый график, выдающийся пейзажист

Иван Шишкин

21

РАССКАЗЫ

Николай Красильников

Певун

22

ЖИВОЙ УГОЛОК

Владимир Волков

Беянка

24

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«И землю русскую целую!..»

28

РАССКАЗЫ

Наталья Бондаренко

Когда мамы с папой нет дома

31

УМЕЛЫЕ РУКИ

Букет для любимой мамы

32

БУХТИНЫ

Павел Гусев

Ванильные сухарики

34

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядков

Роботы и художественное творчество

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «Роспечать»
72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге
«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

123007, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495)941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 851-2017

© «Роман-газета», 2017 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Граф Лев Львович Толстой

Яша Полянов

ВОСПОМИНАНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ИЗ ДЕТСТВА

Главы из повести

Рисунки К. Бальдингера

*Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!
Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?*

Л. Толстой («Детство»)

Что-то новое

Это было в ясный осенний день, солнечный и блестящий, с пестрым громадным ковром увядавшего леса вдали, с зелеными, изумрудными свежими полями озимей кругом, с голубым чистым небом над нами.

Мы долго ходили с няней по лесам и посадкам* нашего Михайловского, находя кое-где последние рябые застарелые грибы, и, наконец, усталые, незадолго до обеда вернулись домой. Когда мы взошли наверх в нашу детскую, сестра Катя сидела среди комнаты всё в том же положении, в каком мы её оставили, и, глубокомысленно выпучив губы, расставляла своих фарфоровых зверей на полу. Верочка, дочь маминой горничной Ариши, прислуживавшая нам, сидела тут же на стуле подле окна и шепотом разбирала какую-то книгу. Увидав нас, она отложила книгу на подоконник и, улыбаясь своей необыкновенно ласковой улыбкой, взглянула мне в лицо.

— Всё учишься? — обратилась к ней няня, как всегда отвечая ей тоже добродушной улыбкой. — Учись, учись, матушка, это хорошо. Я вон и то жалею, что плохо выучили.

— Да, что ж, няня, конечно, — ответила Верочка, привыкшая к тому, что

няня сейчас же вступала в длинные разговоры, — мне страсть хочется уметь читать получше.

— Понятное дело, — согласилась няня. — А что это ворочают там у вас в девичьей? — спросила она вдруг, перестав расстёгивать моё пальто и прислушиваясь к необычному шуму рядом в комнате, который поразил и меня.

— Переходят, — кратко ответила Верочка.

— Ну? Или что приказано? — спросила няня.

— Приказано, — подтвердила Верочка, — сами сейчас были.

— Вот тебе и на, — многозначительно проговорила няня и, подойдя к двери в соседнюю комнату, приотворила её. Я пошел за ней. Оказалось, что наши люди, лакеи Григорий Петрович и кухонный мужик Андрей, потные и раскрасневшиеся, вытаскивали куда-то из девичьей знакомые мне с первых же лет моей жизни красные сундуки девушек. Сама Ариша, наша с няней старинная соседка, суетилась тут же и всем распоряжалась.

— Легче, легче, пожалуйста, — говорила она озабоченно, не замечая нас с няней, — ради Господа Бога, потише! Я тут посуду положила.

— Не беспокойтесь, Арина Васильевна, — заметил грубоватый голос Андрея, — все цело будет-с, швырять не будем.

* Места, засаженные деревьями.

Было ясно, что в доме у нас готовилось какое-то перемещение. Девушек переводили куда-то, а комнату их предназначали, вероятно, кому-то другому. Но кому — в этом был теперь главный вопрос.

— Или приезжают? — спросила няня Аришу, совсем войдя в девичью. — Не слышали кто?

— Слышать-то, может, и слышали, — ответила Ариша, в то же время бегло взглянув на меня, — да не знаем все-таки верно. Телеграмму со станции приносили. Легче, легче, Андрей, пожалуйста.

— Не беспокойтесь, ради Господа, Арина Васильевна, — усмехнулся Андрей, обнажив свои белые, как снег, зубы, — ведь мы же видим... Авось, не Бог знает что тут, в сундуке-то...

— Не Бог знает что, — обидевшись, повторила Ариша, — а всё-таки трудами нажитое...

— Это-то хоть верно, — заметил Андрей.

— А вас это куда же? — опять спросила няня Аришу.

— Вниз, на новые места, — недовольно ответила Ариша.

— Это мама велела? — решился спросить и я.

Ариша ничего не ответила и только пристально на меня посмотрела.

— Понятно мамаша, а коли не оне, так кто же, — ответил за жену Григорий Петрович, пятясь, как рак, задом к двери и широко расставив свои худые ноги в каких-то зелёного цвета, наполовину слинявших штанах.

Он обеими руками крепко вцепился в ручку тяжёлого сундука, точно весь прирос к нему, и круто выгнул сухощавую спину.

— А кто же будет жить здесь? — спросил я.

— Вот приедут, тогда и узнаете, — ответил Григорий, лукаво подмигнув мне и тряхнув своими рыжими кудрями, — так-то, батюшка барин, так-то! А хороший барин будет, это я знаю, — добавил он, вдруг переменяв тон на какой-то тягучий и сладковатый. — Но, но, Андрей Сидорыч, — обратился он весело к Андрею, хотя тот никогда и не был Сидорычем, — ну-ка, ну-ка, поприятней, поаккуратней подавай...

Любопытство овладело мной. Зачем переводят отсюда девушек? Кто будет жить здесь? Кто это приезжает?

Мне стало досадно, что я ничего не знаю, тогда как, по-видимому, остальным в доме всё было известно.

Зачем скрывать от меня что-то? Как я не люблю этого, вообще не люблю чего-нибудь не знать и не понимать до конца.

Я круто повернулся к няне и спросил её, не знает ли она чего-нибудь о причине передвижения в доме. Мне казалось, что и она о чем-то секретном знала или, по крайней мере, догадывалась.

— Что я знаю, — ответила няня с грустью в голосе, — право, не знаю. Конечно, говорили намедни, — добавила она загадочно, — мне-то что ж, лишь бы мальчику хорошо было...

Сказав это, она пошла назад в детскую, и я, конечно, пошёл за ней.

— Няня, что ж это ты сказала? — спросил я её с беспокойством. — Я не понимаю.

Я догнал её, подбежал к ней совсем близко и, схватив её за указательный палец левой руки, крепко сжал его. Этот палец у няни был с отрубленным ногтем и поэтому всегда красный и лоснящийся на кончике. Когда она ещё прежде, до моего рождения, жила одно время у нас в доме не нянею, а экономкой, то нечаянно отрубила себе палец, когда колола сахар. Не знаю уже почему, но в минуты какого-нибудь душевного волнения, хотя я страстно любил этот нянин уродливый палец, как любил её всю, он раздражал меня, и я сильнее замечал его, в то же время не желая на него смотреть.

— Да так, миленький, — сказала няня все тем же своим печальным голосом, — я говорю: лишь бы мальчику хорошо было, а мне всё равно.

— Да что, что? — чуть не плача спрашивал я.

— Ах, голубчик ты мой, да разве можно тебе всё знать!.. — воскликнула няня. — Ну, и стара я стала, и не учена, ну, что ж, и пускай их, а ты не спрашивай меня пока, миленький, — нельзя тебе всего знать...

— Нет, я хочу всё знать, всё и узнаю, — горячился я всё больше и больше, — кто будет жить там, — что ты говоришь, чего я должен не знать?

Не знаю, чем бы кончился этот наш разговор с няней, если бы в это время не вошла в детскую мама своей легкой, быстрой походкой. Она озабоченно прошла мимо нас и отворила дверь в девичью.

— Кровать принесите сюда из кладовой, — распорядилась она живо, — а шкаф и стол оставьте эти.

— Слушаю-с, хорошо-с, — проговорил угодливый голос Григория.

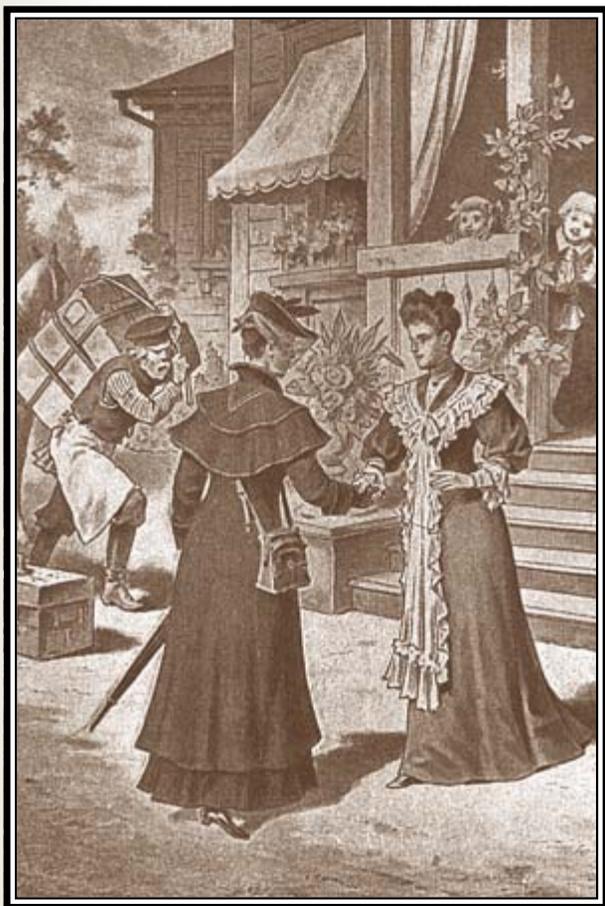
— Ширмы эти тоже унесите отсюда, — продолжала мама, — есть новые.

— Сделаем всё, будьте покойны, — сказал Григорий Петрович, отирая крупные капли пота со своего бледного лба.

Кончив свои распоряжения, мама вернулась к нам в детскую. Она точно задумалась, на минуту приостановившись в дверях, потом быстро подошла ко мне и взяла за руку.

Няня

— Слушай, Яша, — проговорила она серьёзно и ласково, — мне надо сказать тебе одну вещь.

Она отвела меня к няниному низкому, обитому пёстрым ситцем, дивану с прямой деревянной спинкой, сама села на него и посадила меня рядом с собой. Я заметил, что няня в это время отошла к окну и стала пристально смотреть в него, чего никогда не делала без цели. Не успела мама начать, как я уже понял, что сейчас что-то важное, касающееся именно меня, откроется мне, и сердце мое заколотилось. — Завтра приезжает для тебя новая англичанка, — прямо объявила мне мама. — Я решила не говорить тебе до последней возможности, чтобы напрасно не расстраивать вас с няней; но теперь ты сам видишь, что для miss Emilie уже готовят комнату. Она будет спать с тобой, разговаривать по-английски и ходить за тобой. Ты начнешь понемногу учиться с ней, и Катя тоже, вероятно, скоро перейдёт к вам.

— А няня? — не мог я не перебить маму.

— Няне всегда найдется дело, — продолжала мама, — а тебя я прошу заранее: пожалуйста, постарайся привыкнуть к miss Emilie и жить с ней так же хорошо, как с няней. Она очень милая по всему, что я о ней слышала и знаю, и поэтому надо особенно стараться быть с ней добрым и ласковым. Ты понимаешь меня?

— Понимаю, — ответил я тихо.

— Видишь ли, — продолжала мама, — ты уже становишься большим мальчик, тебе восьмой год; miss Emilie, я надеюсь, научит тебя кое-чему, чего ты от няни не узнаешь. Ты ведь понимаешь, что я говорю? Не правда ли?

Вместо ответа я стал нагибать голову всё ниже и ниже к себе на грудь, и бесконечная грусть вдруг налегла мне на душу.

«Как? Оставить няню, нашу детскую, Катю, Верочку, всё, что я любил, всё, к чему я привык и чем жил с первых же дней рождения, чтобы перейти в бывшую девичью и спать с чужой англичанкой?»

Всё это показалось мне в эту минуту чудовищным, невозможным, худшим несчастьем, какое только можно было для меня придумать.

— Ну, что же ты молчишь? Тебе жалко няни? — спросила мама, нагнувшись ко мне и внимательно взглянув на меня своими близорукими глазами.

— Конечно, жалко. Разве ты этого не понимаешь? — с досадой обратился я к ней. И, подавившись слюнями, я почувствовал, что в груди моей что-то сжалось, поднялось и близко подступило к горлу.

— Ах, какой ты, однако, — огорчённо сказала мама, — да ведь няня тут же будет, рядом. Miss Emilie такой же человек, как она.

Но я уже не мог удерживаться дольше и залился слезами.

Мама стала горячо утешать меня, как умела, продолжала доказывать, что огорчаться мне нечему, потому что решительно всё равно, где спать ночью, а днём я могу быть по-прежнему несколько часов с няней, но мне было тяжело слушать её. Она, как мне казалось в то время, не понимала как следует моего горя.

Закрыв лицо руками, я бросился от мамы к няне и, спрятав голову к ней под фартук, затрясся всем телом от рыданий.

— Да что ты, что с тобой, — заговорила няня взволнованно и смущённо, — не плачь, голубчик ты мой, ведь я тут же буду, с тобой рядом, не плачь, миленький.

И я слышал, как у неё тоже голос дрогнул и оборвался, точно у неё больше не хватало духа говорить. Видно, и ей тяжело было отдавать меня в чужие, незнакомые руки после того, как мы столько лет жили вместе так близко и так горячо любили друг друга.

Бедная, милая и добрая моя старая няня... Кого когда я любил больше, горячее тебя?..

И чёрный твёрдый чепчик на твоей седой голове, и этот тёмный, иногда грязный и засаленный, но с особенно прелестным, дорогим для меня запахом твой ситцевый фартук, под которым я любил прятаться, находя себе утешение и покой, и доброе твое простое лицо, и старые рабочие, выходявшие меня руки, и дряблые, как пустые мешочки, морщинистые щеки, которые я так любил целовать, целовать взапас. Как я обожал все это!

Это была моя первая привязанность и потому самая сильная. Я спал, ел, плакал, смеялся, радовался и огорчался, делал всё вместе с няней, и она почти от меня не отходила; она первая выучила меня есть после груди матери, выучила

ходить и говорить; она первая зажгла во мне чувство любви к себе, то чувство, без которого нельзя жить на свете людям, без чего никто не живёт и не умирает. Долго потом я никого так страстно, искренне и чисто не любил.

Мне казалось даже много лет после того, как я оставил няню, что если бы она умерла, и я бы тоже не мог дольше жить: моя жизнь потеряла бы свой смысл и значение. Мысль пережить няню пугала меня, как самое страшное горе.

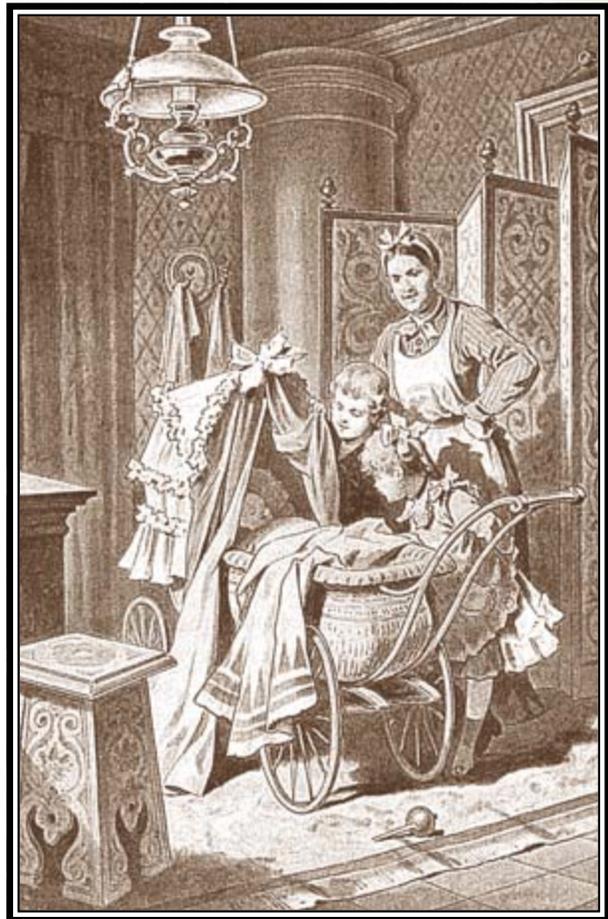
Я неутешно плакал в её коленях. Она молча гладила меня по голове, присев на стул подле стола, и нежно перебирала мои вьющиеся волосы.

Мама, смущённая теперь более нас и не зная, что делать, вышла из детской.

Сестра Катя между тем, услышав мой плач, обернулась ко мне и тоже громко, как только она одна умела, заплакала.

Верочка, в это время стоявшая смиренно в стороне, бросилась утешать Катю, но она закричала на весь дом своим отчаянным голосом и не унималась.

Её неистовый рев остановил мои слёзы и успокоил меня на время. Мне стало смешно на Катину дикое отчаяние, и,

подняв голову с колен няни, я заглянул ей в лицо. И она улыбалась мне слабой улыбкой сквозь слёзы, смочившие её покрасневшие щеки и веки.

— Ну, будет, будет, дети, что это вы, право, расстроились, — сказала няня, вставая с места, — чего, право, расстрожились. Авось, все сживется, сладится, хорошо будет опять. Не мертвеца оплакивать.

Утирая слезы, я отошёл от няни к окну и стал смотреть в него. Мне было грустно по-прежнему, бесконечно грустно на душе. В первый раз я почувствовал в этот день, что есть на свете то, что люди называют горем, что непрошено порой вламывается в нашу жизнь и больно её перевёртывает.

«Зачем это? К чему? — невольно возникнул во мне вопрос. — Разве не лучше было бы мне жить себе да жить с моей старой няней, хорошей, милой, доброй, и никто бы не разлучал нас, пока не разлучила бы настоящая житейская необходимость».

Я долго смотрел в окно, как тихо скользили по чистому голубому небу то ниже деревьев, то высоко над ними белые, тонкие, иногда слипшиеся в комки нити осенней паутины, и мне думалось в то время, отчего и я не такая лёгкая, беззаботная паутинка, как хорошо было бы пуститься так по прозрачному воздуху, подняться высоко-высоко и улететь куда-нибудь подальше, где нет ни горя, ни слёз, где люди никогда не разлучаются и куда не может приехать так неожиданно чужая англичанка.

Последнюю ночь в этот день я ночевал в детской с няней и Катей. В последний раз в этот вечер няня подошла ко мне, как делала почти все эти шесть лет подряд, когда я уже лежал в моей кроватке, и нагнулась, чтобы проститься со мной. Я крепко обнял её шею обеими руками и притянул её к себе.

— Прощай, миленький мой, — проговорила няня, — видно, отжили мы с тобой наше время.

— Прощай, нянюшка милая, — горячо выговорил я, и опять слёзы брызнули у меня из глаз.

— Ну, ну, не надо, — спокойно сказала няня, трепля меня по спине, — так, может, лучше тебе будет: ничего, привыкнешь и к новой англичанке.

— Не хочу я, няня, я хочу с тобой жить всегда, — проговорил я сквозь слёзы, — я не хочу к новой англичанке. Зачем? Я боюсь её, я её не люблю. А ты меня забудешь и разлюбишь.

И я ещё сильнее заплакал при этой мысли. Няня принялась всячески утешать меня.

— Небось, не разлюблю, не забуду, — приговаривала она, опять разбирая мои волосы и глядя голову рукой, — не разлюблю.

— Правда, нянюшка? — спрашивал я её.

— Не разлюблю, не разлюблю, небось, — повторяла она тихо.

Я долго держал её голову в моих руках и омочил всё её лицо моими слезами. Она не уходила и, все ещё перегнувшись через деревянную решётку моей кровати, стояла надо мной. В этот вечер я так и забылся и наконец заснул, чувствуя у моих губ и носа мягкие нянины щёки, её тёплое дыхание и её особенный, милый мне стариковский запах.

Miss Emilie

Перед самым обедом, в пять часов, мальчики с папá и monsieur вернулись с охоты. Они ничего не затракали на этот раз и страшно устали. Особенно устал Серёжа, который, проездив часа четыре подряд верхом, вошёл в залу с широко и смешно растопыренными ногами. Это называлось у нас «быть Джоном Гильпином», по имени героя известной английской сказки, которую мы все тогда читали и очень любили.

Вася и monsieur тоже вернулись отчасти «Джоном Гильпинами», но они были бодры и веселы и старались не показывать своей усталости. Папа вернулся совсем свежий на вид и казался теперь ещё веселей и бодрей, чем утром. Он рассказывал, как они протравили двух русаков, потому что собаки плохо скакали по слишком сухим полям, и весело шутил над Серёжей. M-lle Bossel с Соней тоже вернулись к обеду и, очень довольные своей прогулкой, рассказывали, как они зашли далеко в казённый лес и нашли наконец то место, которое папа и все мы за ним называли «мёрт-

вым царством». Раньше там были шахты, которые оставались и теперь разбросанными там и сям по лесу, делая странное и жуткое впечатление своими чёрными глубокими отверстиями, ничем даже не прикрытыми. Тут же стояло несколько барачков, вероятно, выстроенных раньше для рабочих, но теперь забытых и пустых.

Когда все были дома, по обыкновению, прозвенело к обеду два звонка, и все сошлись в залу.

Пришла и miss Emilie из своей комнаты, и мама сейчас же познакомила её со всеми нашими.

Она ласково и просто со всеми поздоровалась и села к столу на назначенное ей место подле меня. Во время обеда папа, мама, сестра Соня и даже Вася — все разговаривали с miss Emilie по-английски.

Я понимал порядочно из того, что они говорили, и мне это было приятно. Miss Emilie охотно отвечала на вопросы, которые ей задавали: хорошо ли она доехала, как объяснялась в России, не зная языка, было ли тихо на море и т. д., и, сидя очень прямо на своём стуле, она, казалось, нисколько не была смущена.

Monsieur почему-то был стеснен гораздо больше её и, поминутно краснея, подкручивал свои рыжие усы и поглаживал такого же цвета бородку.

За обедом miss Emilie пробовала чёрный хлеб и квас и сказала, что то и другое не так дурно, как она думала, хотя она, в конце концов, ела не чёрный хлеб, а белый, и пила воду вместо кваса. Она ещё мало привыкла к русской еде, но, вероятно, по необходимости старалась её полюбить.

После блинчиков с вареньем наконец встали из-за стола, и все мы перекрестились, как были приучены делать. Потом в какую-нибудь минуту все разошлись или разбежались из залы по всему дому.

Miss Emilie взяла меня за руку и повела к себе. Войдя в свою комнату, она села на стул и, притянув меня к себе, обняла за талию.

— We shall be friends, shall we not?* — спросила она меня ласково.

— Yes**, — ответил я тихо.

* Мы будем друзьями, не правда ли?

** Да.

— Вы не будете не любить меня? — продолжала она по-английски. — Нет? Я надеюсь, что у нас пойдёт дело отлично... А я буду стараться делать, что могу, для вас.

— Благодарю, — проговорил я.

— Вот и прекрасно, — сказала miss Emilie. — Я вижу, что вы не дурной мальчик, — правда?

— Я не знаю, — ответил я.

— Я так думаю, — добавила она, — а пока вы оставьте меня одну: я хочу немного отдохнуть и разобраться.

— Хорошо, — охотно согласился я, от души желая теперь сам, чтобы добрая miss Emilie отдохнула.

И я вышел из комнаты. Мне стало необыкновенно радостно на душе в эту минуту.

«Какая она милая, какая хорошая новая англичанка, — подумал я в восторге, — какое счастье, что все люди на свете добрые — и няня, и все, и англичанки даже, которых мы не знаем».

Я побежал в залу, где Серёжа, переставший после обеда быть Джоном Гильпином, и Соня с криком и шумом бегали вокруг стола, догоняя друг дру-

«Он стал в такт своей песенки притоптывать ногой...»

га. Они мешали Григорию Петровичу убирать со стола, и он сердито ворчал на них. При мне Серёжа так толкнул Григория в локоть, что у него вылетела из рук тарелка, и, если бы он не подхватил её на лету, она непременно бы упала и разбилась. Тогда Григорий совсем потерял терпение.

— Я мамаше пойду скажу, — объявил он решительно, — разве можно так делать, — безобразничать господам? Ну, на что это похоже, ей-богу, я пожалуюсь.

Серёжа, увидав, что Григорий Петрович не на шутку обиделся, стремглав выбежал из зала, а Соня с весёлым смехом кинулась за ним. Мне стало завидно на их беготню, и я побежал к Кате, моему верному товарищу, затеять с ней какую-нибудь игру. Я прошёл через гостиную, где брат Вася, сидя в углу на диване, с серьёзным видом читал книжку, пошёл через вторую гостиную-балконную, где папа, просматривая какой-то журнал, лежал на диване с папироской в руке и чашкой кофе подле себя на столе, проскочил, наконец, через мамашину спальню, где она собиралась шить что-то на машинке, и наконец вбежал в нянину детскую.

Я, не долго думая, выдумал превесёлую игру: проходить кругом всей комнаты по мебели, не касаясь пола, и Катя, не сомневаясь, что эта игра самая лучшая во всем мире и полезная для няниного дивана, охотно приняла в ней участие. Однако няня недолго терпела наше гулянье по мебели, и скоро пришлось выдумывать что-нибудь другое.

Вскоре после того, как я вошёл в нянину детскую, вошла в неё и мама. Она хотела было пройти к miss Emilie, но я сказал ей, что miss разбирается и хочет отдохнуть; тогда мама раздумала и вернулась к себе в спальню. Вдоволь навозившись и наигравшись в детской, в 8 часов мы вышли с няней и Катей в залу к вечернему чаю. Miss Emilie тоже вышла с нами. Она успела немного отдохнуть, и выражение её посвежевшего открытого и доброго лица казалось теперь ещё приятнее. Мама вышла из гостиной посидеть с нами. Она села к столу рядом с miss Emilie и стала тихонько беседовать с ней.

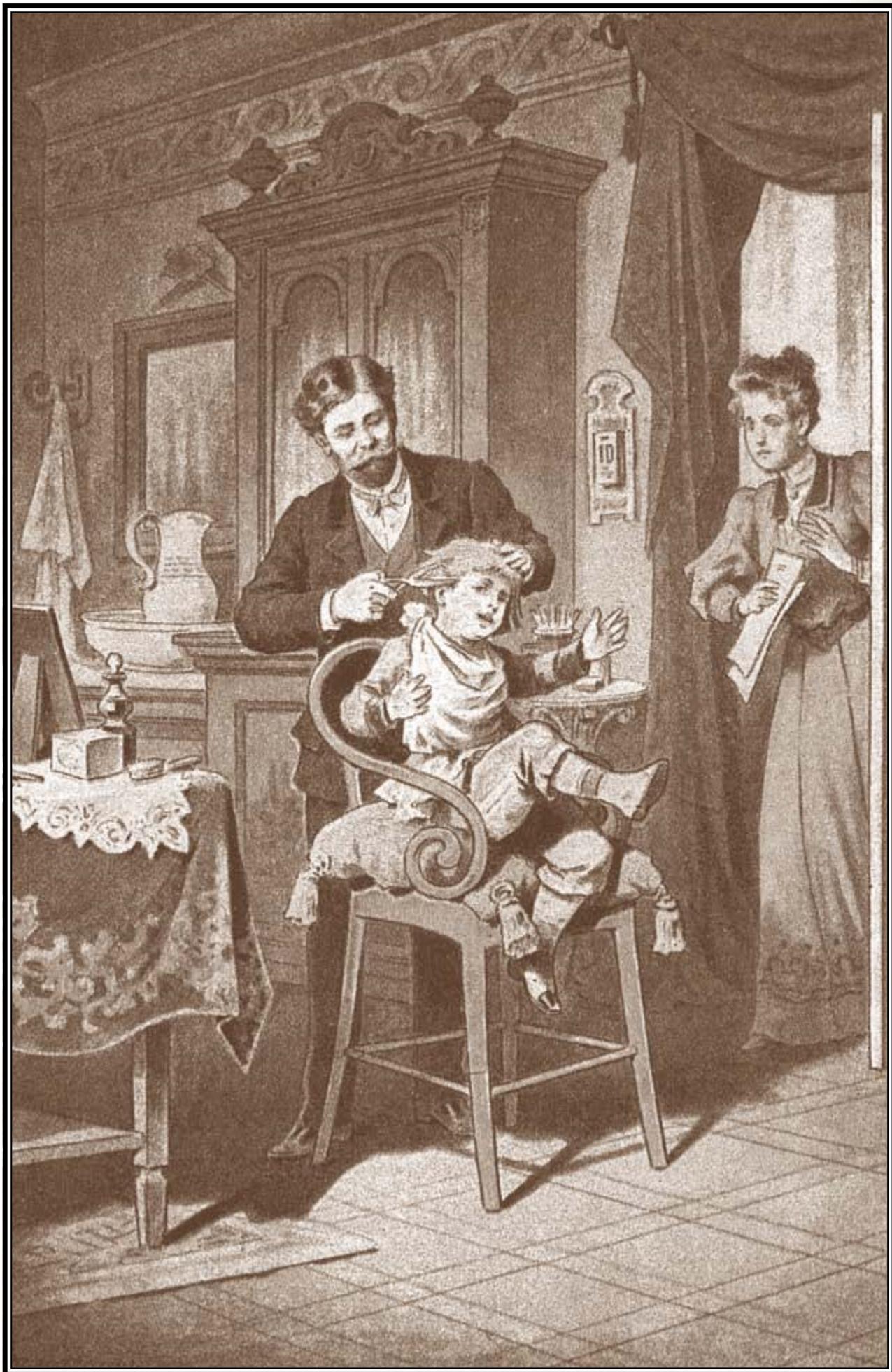
Между тем наступила глубокая осень. Начались морозы, усиливаясь с каждым днем, и последний жёлтый лист слетел с деревьев. Стояли яркие, прозрачные, но холодные дни, и каждое утро, просыпаясь, я видел в окно, что трава за канавой и крыша подвала покрыты густым серебряным налётом морозца. Сначала вода стала застывать в лужах и кадках у нас на крыльце, покрываясь тонкой хрупкой корочкой, наконец и пруды наши подёрнулись льдом, и деревенские мальчишки уже бросали по ним палки и камешки.

Мы с нетерпением ждали ещё больших морозов и молили Бога, чтобы эти морозы наступили до снега, чтобы можно было кататься на коньках по всем прудам, а особенно по всему большому пруду, где тогда было столько простора, что добежать от хвоста до плотины было для нас целым путешествием. Наше желание вскоре исполнилось. Дня три ртуть подержалась на восьми и десяти градусах ниже нуля по Реомюру, и раз утром нам объявили, что повар Николай Михайлович пришёл из дому через лёд. Это значило, что в тот же день можно было отправиться на пруд с коньками.

В тот год я ещё не умел кататься на коньках и только что собирался учиться. Мама уже подарила мне пару маленьких коньков на деревянных колодках, которые теперь в первый раз я мог надеть. Сейчас же после завтрака все побежали на каток. Когда, позднее других, я пришёл туда с miss Emilie, Вася, Соня и Серёжа уже летали по большому пруду, и куча деревенских ребят носилась за ними с весёлым криком.

M-r Mertie и m-lle Bossel без коньков похаживали рядышком по льду и разговаривали. Я сел на лавку и стал надевать свои коньки с помощью miss Emilie. Они уже были прилажены раньше к моим сапогам, так что через пять минут, крепко затянув ремни, я был готов и стал на ноги. Я храбро ступил шаг, но сейчас же упал навзничь и сел на лёд. Опять с храбростью, точно я всю жизнь бегал на коньках, я бросился вперед. Но и на этот раз, конечно, я сейчас же на первом шагу поскользнулся и упал на

«И не зная, так или не так он поступил, он робко срезал у меня с головы клоч волос...»

спину. Тогда я понял, что выучиться бегать на коньках не так-то легко, и когда снова я очутился на ногах, то уже потихоньку, не торопясь и держась за руку miss Emilie, стал передвигать ногами. Дело пошло лучше.

Соня и мальчики, между тем, продолжали бегать по пруду, и я с завистью поглядывал на них и думал, что я никогда, вероятно, не буду так прекрасно кататься на коньках. И ещё старательнее я переступал ногами и силился понять и уловить необходимое движение, при котором конёк правильно скользил бы по льду, а тело удерживало бы равновесие. Около большого пруда подле въезда в нашу усадьбу, украшенную двумя башнями, стояла кирпичная изба, которая в то время называлась «чёрной». В старину она была почтовой станцией. Теперь в ней жила кухарка и обедали рабочие; в ней же мы в холодные зимние дни надевали коньки и грелись, забегая с катка. Теперь рабочие только что пообедали и по плотине возвращались из «чёрной» на дворню. Они с любопытством смотрели на нас. В их числе шёл наш любимец, старый Палит Иваныч. Вася и Серёжа сейчас же подбежали к нему и стали с ним, по обыкновению, балагурить. Я тоже с помощью miss Emilie торопливо заковылял к плотине. Послушать и посмотреть Палита было одним из лучших наших удовольствий. Это был чудаковатый мужик, всегда оборванный и всегда улыбавшийся, с грубыми чертами широкого добродушного лица, с чёрными, чуть седыми волосами, покрывавшими всю его голову и даже лицо. Когда мальчики подбежали к нему, Палит остановился, молча обеими руками снял свою громадную шапку с головы и низко поклонился.

— Здравствуй, Палита, — весело сказал Серёжа, — ну-ка, ну-ка, попляши нам немножко.

— Поплясать? — проговорил Палит, смущённо и в то же время радостно улыбаясь.

— Пожалуйста, Палит Иваныч, — пристали к нему и Вася с подоспевшею Соней.

Тогда Палит, не говоря больше ни слова, сейчас же принялся за свою обычную пляску. Его лицо ещё больше просияло, и рот разошёлся в широкую

улыбку. Он стал в такт своей песенки приоптывать о землю ногой, высоко стигая её под своим дырявым кафтаном, и с чувством помахивать неповоротливыми большими руками.

— Казачка по воду ходила, ни воды нет, ни ка-за-а-ченки, — стал он напевать без всякого мотива смешным хриловатым голосом.

— Ай да Палит, вот это ловко, — с громким смехом одобрили его остановившиеся немного дальше на плотине рабочие.

— А что же? Плохо разве? Казачка молода ходила, — ещё старательнее запел Палит Иваныч.

Мы, как всегда, пришли в восторг от его песни и тоже разразились весёлым смехом.

— Вот как по-нашему, — наконец самодовольно кончил Палит.

— Спасибо, спасибо тебе, — сказали все мы в один голос и в одну минуту опять разбежались по пруду.

В этот день m-r Mertie, у которого, верно, не было другого пальто, кроме лёгкого, по-видимому, очень зяб, гуляя на пруду с m-lle Bossel.

Он не вынимал рук из карманов и все время ёжился всем телом. Я несколько раз слышал, когда он проходил мимо меня, как зубы его стучали, и он весь дрожал, производя какие-то странные звуки. Но когда m-lle Bossel спросила, не холодно ли ему, он отвечал, что, напротив, очень жарко. Меня удивил такой ответ, но я подумал, что, верно, monsieur как-нибудь особенно устроен внутри, если не зябнет в десять градусов мороза в одном лёгоньком пальто. Тем не менее m-r Mertie все время потирал себе уши и продолжал ёжиться, высоко поднимая свои сухощавые плечи.

— Бр-р-р-р-р-р... — бормотал он сквозь зубы, — бр-р-р-р-р, que les russes sont frileux!* Que les russes sont frileux!

M-lle Bossel добродушно смеялась и говорила, что и monsieur сам скоро сделается frileux в России.

— Никогда! — храбрился m-r Mertie. — Чтобы я надел на себя такую шкуру, как все вы носите, — никогда...

— Поживите в России несколько лет, как я, — спокойно возражала ему mademoiselle, — тоже наденете шкуру.

* Какие русские, однако, зябкие!

Смотрите, как мне тепло и приятно в ней...

И она показывала m-r Mertie свою кофточку, подбитую лисьим мехом.

— Вам надо кататься тогда на коньках, чтобы согреться, — продолжала m-lle, — смотрите, как детям тепло...

— О, я слишком стар, я слишком стар! — отвечал m-r Mertie.

Между тем толпа деревенских ребят затеяла с Васей, Соней и Серёжей играть по льду в «салки», и страшная беготня и громкие дикие крики поднялись по всему пруду.

Пустячная история

За осень у меня отросли длинные волосы, и раз вечером мама, заметив это, велела мне прийти к ней на следующее утро до завтрака, чтобы обстричься. В назначенное время я явился в спальню. В то время мы никто, не исключая и папá, не знали другого цирюльника, кроме мамá.

Я сел на приготовленный стул посреди комнаты, мама достала ножницы и старую простыню из шифоньерки и сейчас же приступила к делу. Она очень ловко стригла нас, несмотря на свою близорукость. Через несколько минут вся простыня, накинутая мне на плечи, была сплошь покрыта кольцами моих волос. Я уже был острижен наполовину, когда в спальню вошёл папа. Он заговорил с мамой о каких-то бумагах и попросил её достать одну его рукопись. Тогда маме пришлось на минуту оставить меня и прекратить стрижку. Папа предложил на это время заменить её.

— Я постригу его немного без тебя, пожалуйста, не беспокойся, — сказал он уверенно, точно всю жизнь был парикмахером. Он взял из рук мамы ножницы и, старательно нагнувшись надо мной, стал примериваться, с чего бы лучше начать.

Мама между тем вышла куда-то из комнаты за бумагами.

— Не напортишь бы нам с тобой, — менее храбро теперь проговорил папа.

И, не зная, так или не так он поступал, он робко срезал у меня с головы первый клочок волос. Но, сделав это, он как будто осмелел и стал стричь меня

решительнее. Ножницы стали громко визжать в воздухе, как у настоящего парикмахера, издавая жирный, сильный звук, и волосы мои стали целыми копами падать мне на колени.

Тогда я пришел в беспокойство, что папа слишком коротко или некрасиво острижёт меня.

— Папа, не очень, — сказал я ему нерешительно.

— Нет, нет, не беспокойся, — утешил он меня, — я знаю, я знаю...

И он совершенно вошёл во вкус своего нового занятия.

Неожиданно я вскрикнул от боли и привскочил на стуле.

— Что ты это? — удивился папа.

— Да ты мне отрезал ухо!..

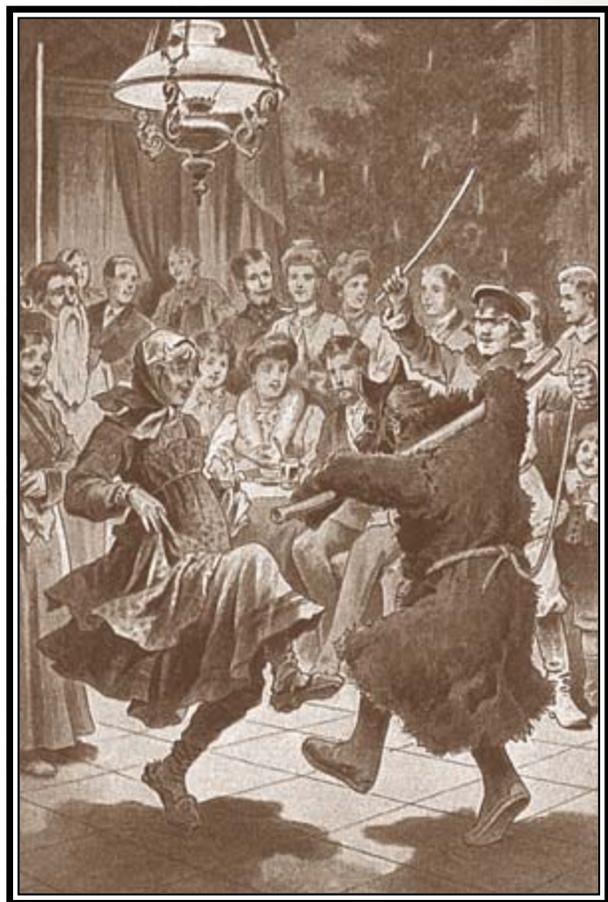
— Не может быть! Что ты говоришь? — вскрикнул папа.

Я взглянул ему в лицо. Оно выражало такой страшный неподдельный испуг, точно он меня до смерти зарезал.

— Покажи мне. Куда я попал? — повторял он взволнованно.

Я встал на ноги и повернул к папе окровавленное правое ухо.

В это время к нам вернулась мама с кучей бумаг в руках.

Шумное празднование Рождества

— Ну, что, хорошо ты его подстриг? — спросила мама ещё в дверях.

— Ужасно, ужасно, — заговорил папа, — смотри, что я наделал!

— Я так и знала, — воскликнула мама, подбегая к нам.

Но я улыбался, чувствуя, что рана моя «до свадьбы заживёт», как мы все привыкли в этих случаях говорить, и поэтому мама не особенно испугалась и даже не рассердилась на папу. Рассмотрев мое ухо, она налепила на него кусочек английского пластыря, и мы все от души потом смеялись за обедом на то, как папа хотел срезать мне ухо вместе с волосами. Конечно, я нисколько не был огорчён моей пустячной ранкой, которая потом через несколько дней бесследно зажила, а, напротив, отчасти даже гордился тем, что меня стриг такой необыкновенный цирюльник, хотя на одной стороне головы он выхватил у меня ножницами такие плешины, точно на этих местах никогда и волосы не росли.

Прорубь

Рождество и праздники прошли, гости разъехались, наступил уже новый год, и опять жизнь нашего дома наладилась по-будничному. Главным удовольствием нашим продолжали быть коньки. Теперь давно уже пруд был покрыт толстым слоем снега, и садовник Семен расчищал нам каток с дорожками, конечно, в двадцать раз меньше всего пруда. После пяти-шести раз я начал теперь свободно передвигаться по льду на коньках и уже бегал по всему катку один, с каждым днем делая новые успехи.

Раз, придя на пруд в обычное время после завтрака, к общему огорчению, мы нашли, что каток был в ужасном беспорядке. Накануне была небольшая оттепель, шёл снег, и лёд до того испортился, стал так неровен, что конёк с трудом мог скользить по нему. Мы все-таки стали кататься. Но я решительно не мог благополучно сделать двух шагов подряд в этот день; я то и дело падал, приходя в отчаяние и досаду. Старшие мальчики как будто меньше замечали плохой лёд и легко бегали по всему кат-

ку. Тогда я решил поискать где-нибудь лучшего льда на пруду и отправился его высматривать. Пройдя по боковой расчищенной дорожке до конца катка, я заметил справа от меня большую прорубь, где деревенские бабы обыкновенно мыли белье. На этот раз у проруби никого не было, и она была вся подёрнута гладким тёмным льдом. Тогда блестящая, как мне показалось, мысль мелькнула у меня в голове. Я решил попробовать прокатиться на коньках по прекрасному льду проруби. С катка я взошёл на снег, повернул направо, на протоптанную бабами дорожку, и подошёл к проруби. Недолго думая, я опустил правую ногу на лёд, чтобы попробовать его крепость. Но тут со мной произошло что-то совсем неожиданное: лёд сейчас же подался под моей ногой, и в ту же минуту я очутился в воде по самую шею; ноги мои в тяжёлых сапогах и коньках стали тянуть меня под лёд, и я почувствовал, что точно десятипудовые гири навесились на них.

Тогда отчаяние овладело мной, и я стал кричать изо всех сил.

Ещё несколько секунд, и меня непременно втянет всего под лёд, чувствовал

Народные гулянья на льду

я, барахтаясь руками и стараясь удержаться за толстый край проруби. Но по какому-то чуду меня всё относил к середине проруби, и я не шёл ко дну, которое в этом месте было, может быть, на десяти саженях глубины. Мой маленький чёрный полушубок раздулся на воде пузырем, приподнял и держал меня, как мячик, на поверхности. Я продолжал дико кричать. Тогда заметили меня. Первыми подбежали ко мне две бабы, мывшие бельё в соседней проруби, и одна из них протянула мне длинный шест, на котором она принесла на пруд холсты. Я обеими руками уцепился за шест, и баба подтянула меня к себе. Она ловко подхватила меня под руки и вытащила на толстый лёд. В это же время подбежали к нам и все остальные: бедная miss Emilie, бледная и растерянная, за ней Соня, мальчики и m-r Mertie. Меня сейчас же посадили на широкую спину садовника Семёна и понесли в дом. Miss Emilie, вся в слезах, бежала за мной, она чувствовала себя одну во всем виноватой.

На «пришпекте», когда мы уже подходили к дому, с ноги моей соскользнул мокрый тяжёлый сапог и упал на дорогу. Miss Emilie торопливо подняла его и опять надела на мою мокрую замёрзшую ногу. Когда мы вошли в дом и мама узнала о случившемся, она пришла в ужас. Но она, как и тогда, при падении Васи, сейчас же взялась за дело. Меня внесли в детскую, сняли мокрый полушубок и всё платье, положили в постель и стали растирать горячим спиртом. Miss Emilie стояла подле окна вся в слезах, растерянная и виноватая, и не смела даже подойти к моей кровати, чтобы помочь мне. Растирала меня сама мама с помощью няни, которая держала в руках бутылку спирта. Мне было от души жалко miss Emilie, и её слёзы теперь больше всего мучили меня. Я старался придумать что-нибудь, чтобы рассеять её горе. Мама, между тем, услышав, как было дело, прежде всего спросила miss, где она была в то время, как я попал в прорубь; miss Emilie ответила, что она была тут же на пруду, но не заметила, как я отошёл от неё. Тогда мама с досадой и волнением сказала:

— Я не знаю, зачем я держу вас, если вы не можете усмотреть за мальчиком.

Эти слова, вероятно, больно отозвались в чуткой душе miss Emilie, и она подумала, может быть, что теперь ей навсегда придется уехать от нас. Мама, красная и встревоженная, продолжала старательно тереть моё тело.

И нечаянно она вдруг опрокинула спирт на огонь, горевший тут же в конфорке около моей постели; большое пламя вспыхнуло в комнате. Все страшно перепугались. Начался невообразимый переполох. Я вскочил в постели и стал в одной рубашке прыгать по кровати, не зная, что делать. Няня первая потушила начавшийся было пожар, догадавшись накинуть на пламя свою большую подушку. Катя, испуганная этим происшествием и общим тревожным состоянием, села на своё маленькое красное кресло около кровати и стала громко реветь. А мне все это, по правде сказать, казалось только очень забавным. Я один чувствовал себя прекрасно среди всего этого взволнованного женского общества. Я сознавал себя героем дня и события. Тело мое, растёртое спиртом, приятно горело, и одно только продолжало беспокоить меня — это горе miss Emilie и её слезы.

Miss Emilie стояла у окна, вся в слезах

— Мама, пожалуйста, не брани miss Emilie, — горячо обратился я к маме, — она, право, ни в чем не виновата.

Мама ничего не ответила мне, но потом более уже не упрекала miss Emilie.

Они вечером того же дня помирились, как мы решили с Катей, то есть дружески и ласково беседовали между собой, причём miss Emilie трогательно просила у мамы прощения. Конечно, я не простудился в проруби, и зимнее купанье прошло для меня без всякого последствия.

Те две бабы, которые вытащили меня из проруби, через три дня после этого события пришли к нам в дом и принесли маме по курице. Не знаю, посылали ли за бабами, чтобы поблагодарить их, или они сами явились поздравить маму с моим счастливым спасением, но только они пришли к нам и я как сейчас помню следующее: обе бабы, нарядные, в красных платках и новых суконных поддёвках, стоят в девичьей; каждая

держит у себя под мышкой по курице. Мама берет меня за руку и подводит к ним. Бабы долго нам кланяются, за что-то благодарят, потом мама благодарит их и дает им денег. Куриц принимает Ариша и сейчас же выпускает их бегать по двору.

Одна из вытащивших меня из проруби баб умерла несколько лет тому назад, другая ещё жива и здорова до сих пор. Когда я встречаю её теперь в нашей деревне и спрашиваю:

— А помнишь, Авдотья, как я в проруби утопал?

Она отвечает мне:

— Как же не помнить-то. А тебе, Яшенька, небось, часто вспоминается, как мимо пруда идешь...

Авдотья до сих пор зовет меня, как и многие на деревне, моим уменьшительным именем.

— Да, правда, Авдотья, — отвечаю я ей, — легко было и утонуть...

Лев Львович Толстой (1869–1945), третий сын Толстого, писатель, скульптор. Автор книг и мемуаров о Толстом. Его первые рассказы появились в 1891 году под псевдонимом Л. Львов. Особая близость связывала его с матерью, С. А. Толстой, которая как никто понимала его. Свой большой мемуарный труд под названием «Опыт моей жизни» Лев Львович также посвятил ей. В предисловии он писал: «Во всей моей жизни больше всех людей я любил мою не оценённую мать.

Она плакала, молилась и благословляла меня, когда тринадцатимесячным ребёнком отнимала от груди и записала тогда в своём дневнике, что, прощаясь со мной, жалела меня больше всех остальных детей. Её благословение и моя любовь к ней воодушевляют эту работу, которую посвящаю её памяти».

Свои первые жизненные впечатления он позже описал в автобиографической повести «Яша Полянов». Там он передаёт атмосферу любви, в которой рос в первые годы своей жизни.

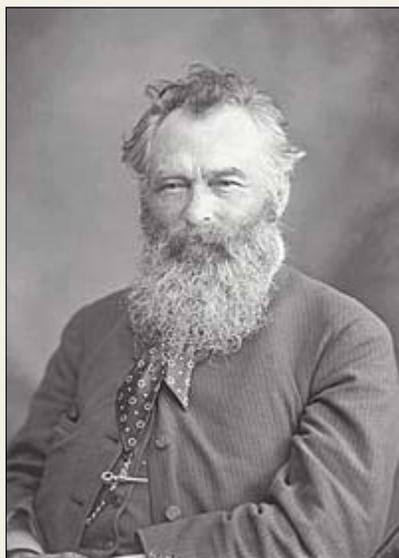

*Непревзойдённый график,
выдающийся пейзажист*

Иван ШИШКИН

Иван Иванович Шишкин (13 января 1832 г. — 8 марта 1898 г.) — выдающийся русский художник-пейзажист, живописец, рисовальщик, график, офортист, аквафортист, преподаватель. Иван Шишкин родился в Елабуге Вятской губернии и происходил из древнего вятского рода Шишковых, в семье купца Ивана Васильевича Шишкина, увлекавшегося археологией и написавшего кни-

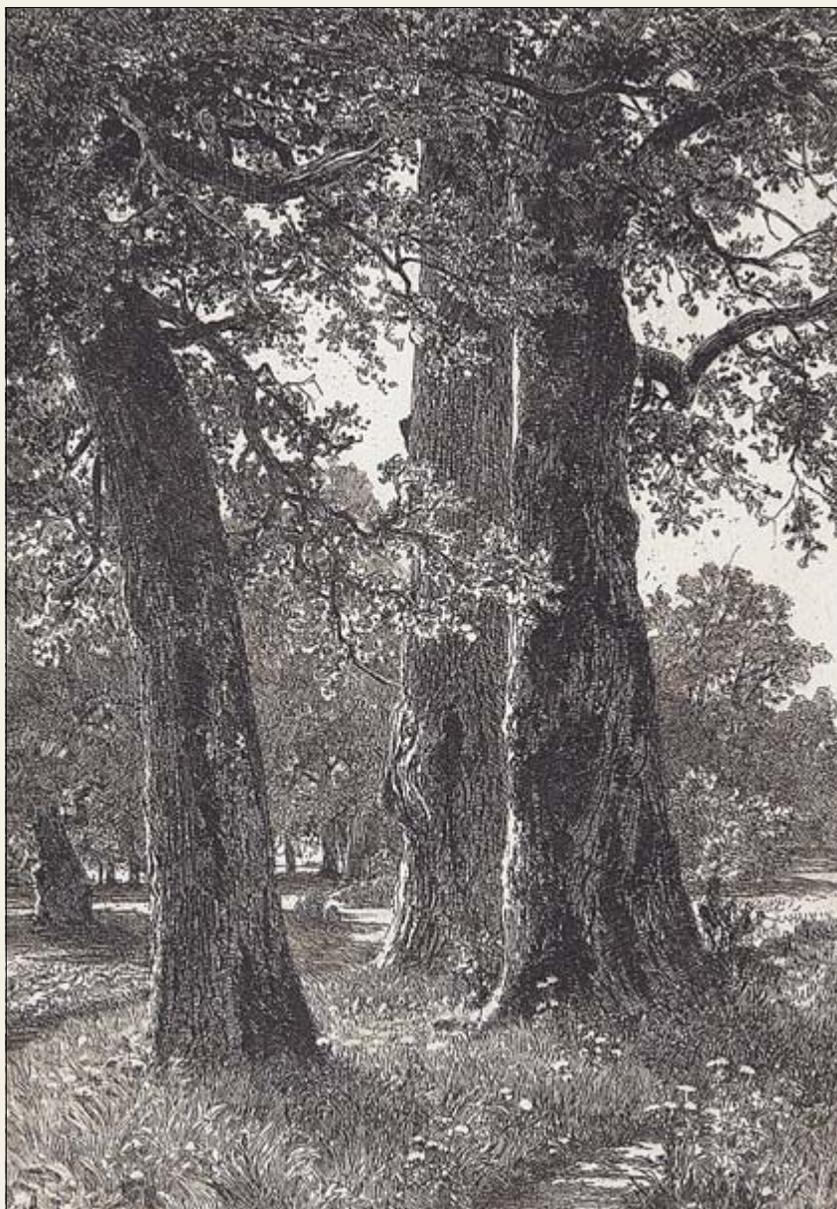
Иван Иванович Шишкин

гу «История города Елабуга». Кроме того, отец художника реставрировал старинные здания родного города и разрабатывал систему местного водопровода.

В двенадцатилетнем возрасте будущий художник поступил в 1-ю Казанскую гимназию и обучался в ней до 5-го класса. Затем он оставил учебу и возвратился в Елабугу, с тем чтобы посвятить свое свободное время,

Лес зимой. 1884 г.

Иван Иванович Шишкин Три дуба. 1887 г.

внимание и усилия рисованию местной природы с натуры. Юный Иван Шишкин писал леса, окружающую город местность на протяжении че-

тырех лет и в 1852 году отправился в Москву — продолжать обучение в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Преподаватель

Рожь

класса Мокрицкий сумел заметить в студенте значительное дарование и поощрял его занятия пейзажной живописью.

Окончив в 1856 году курс Московского училища живописи, ваяния и зодчества, с 1857 года Иван Шишкин продолжил образование в Санкт-Петербургской Императорской академии художеств, обучаясь в классе профессора С. М. Воробьева. Кроме занятий в стенах академии, художник карандашом и кистью рисовал и писал этюды с натуры в окрестностях Санкт-Петербурга и на острове Валаам. Уже в первый год его обучения в академии Шишкину были присуждены две малые серебряные медали за классный рисунок и за вид в окрестностях Санкт-Петербурга. В 1858 году он получил большую серебряную медаль за вид на Валааме, в 1859-м — малую золотую медаль за пейзаж из окрестностей Санкт-Петербурга и в 1860 году — большую золотую медаль за два вида местности Кукко на Валааме.

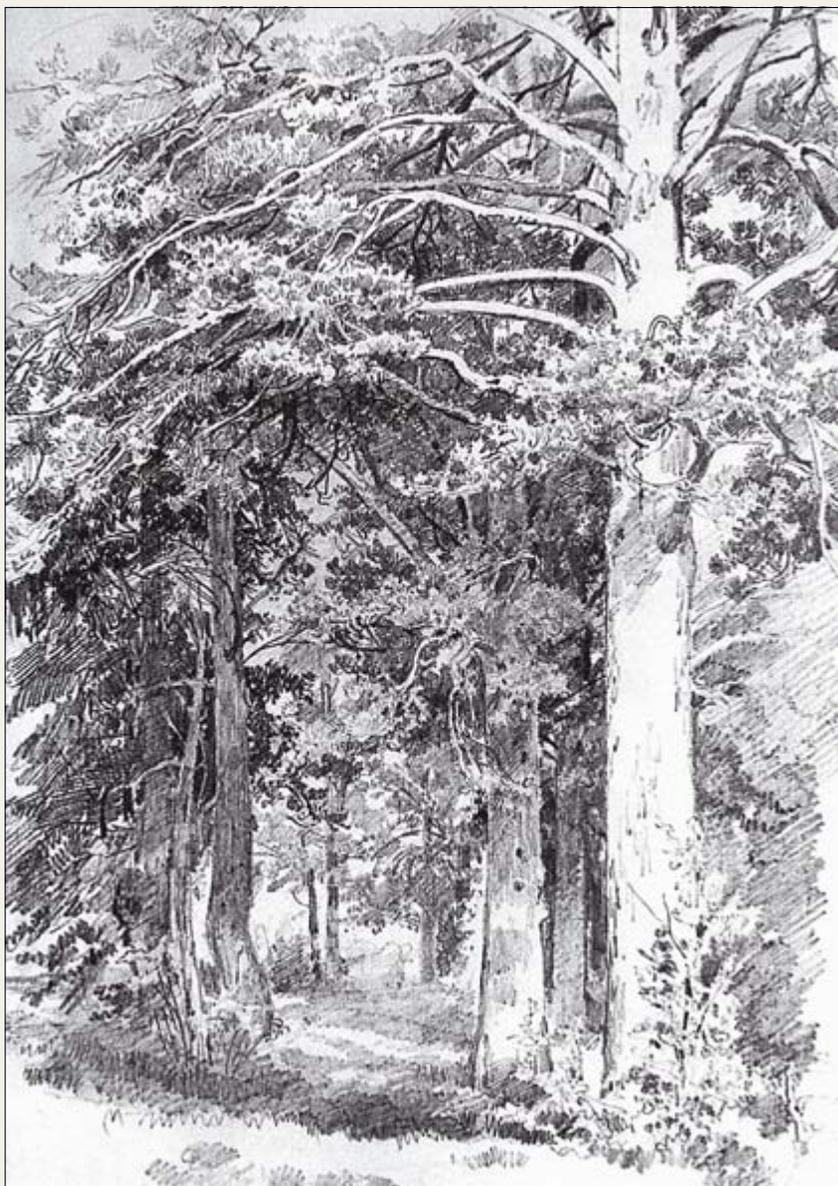
Вместе с последней наградой, большой золотой медалью, Иван Шишкин приобрел право на поездку за границу в качестве пенсионера академии и в 1961 году отправился в Мюнхен. В течение пяти лет, проведенных художником в Европе, он посетил также Цюрих, Женеву, Дюссельдорф. Помимо живописи за границей Шишкин много занимался рисунком пером; его произведения в этом роде приводили иностранцев в

Иван Иванович Шишкин.
Автопортрет. 1854 г.

удивление, и некоторые были помещены в Дюссельдорфском музее рядом с рисунками первоклассных европейских мастеров.

В 1866 году Иван Шишкин вернулся на родину, он приехал в Санкт-Петербург до истечения срока своего пенсионерства. В 1870 году живописец и рисовальщик стал одним из учредителей Товарищества передвижников и на вто-

Сосновый лес. 1889 г.

Утро в сосновом лесу

Ручей в лесу. 1880-е гг.

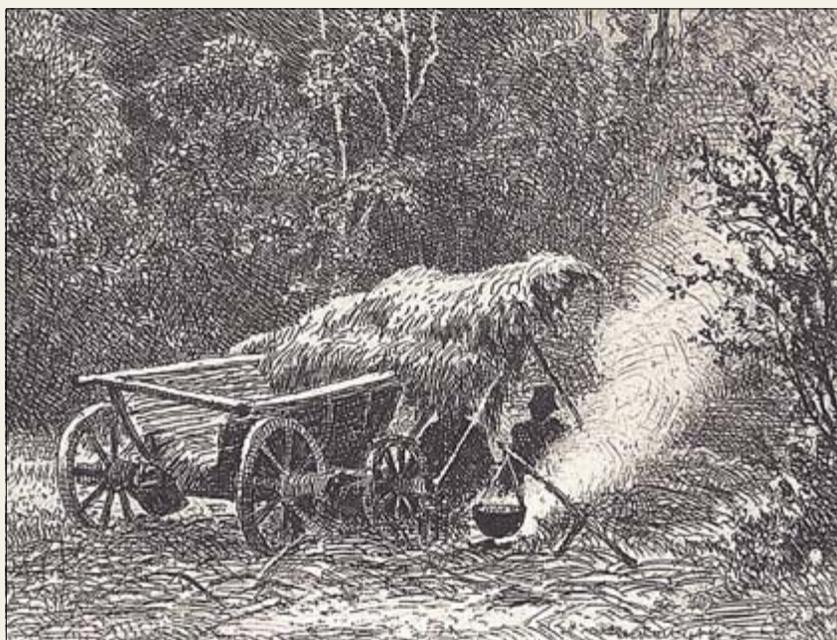
Опушка леса. 1850-е гг.

рой выставке общества представил картину «Сосновый бор», работу, которая и по сей день поражает цельностью колористики, фотографичностью передачи образов природы и удачным сочетанием красок. Самая известная картина мастера — «Утро в сосновом лесу» — была представлена на выставке передвижников в 1889 году.

Среди русских пейзажистов Шишкину, бесспорно, принадлежит место самого сильного рисовальщика; в своих

Обложка альбома 1886 года

У костра. 1873 г.

произведениях он является удивительным знатоком растительных форм, воспроизводящим их с тонким пониманием, как в общем характере, так и в мельчайших отличительных деталях. Как отмечали критики и искусствоведы, наука форм была приобретена им в ущерб для колорита, который, не будучи у него слабым и негармоничным, всё-таки не находится на одном уровне с высочай-

шим мастерским рисунком. Поэтому талант Шишкина иногда гораздо ярче появляется в одноцветных рисунках и офортах, чем в работах, в которых он пользовался многими красками.

Иван Шишкин являлся первоклассным графиком и рисовальщиком. Он возродил искусство офорта и поднял его на новую высоту. Современники говорили о нем: «...Если он один из первых в ряду современных русских живописцев пейзажа, то как гравёр-пейзажист — единственный и небывалый в России». Графика Шишкина имела огромный успех; при жизни художника вышло 4 альбома офортов, куда вошло лучшее, что было создано мастером-рисовальщиком в области графического искусства.

Исполненных Шишкиным офортов насчитывали до сотни, сверх того, дополнительно указывали на 68 созданных им оригинальных литографий и на 15 цинкографических опытов этого мастера. В 1884–1885 годах. А. Бегров издал в двух сериях альбом из 24 фототипических снимков с угольных рисунков, исполненных для него Иваном Шишкиным. Художник же в 1886 году выпустил в свет сборник своих 25 избранных гравюр. Впоследствии оттиски с досок, служившие для этого альбома, подправленные и несколько переделанные, были изданы Марксом, с прибавкой нескольких других офортов, в виде нового альбома. Сегодня графические листы Ивана Шишкина находятся в крупнейших музеях нашей страны.

В искусстве Ивана Шишкина заложено внутреннее родство художественного и поэтического творчества художника с героическими традициями русского фольклора, открытость и сила национального чувства. Живописец отмечал, что «главнейшее для пейзажиста есть прилежное изучение природы», и в беседах с учениками говорил о не изученных ещё таинствах природы, о расцвете пейзажной живописи в России. «Россия — страна пейзажа», — говорил он. Образ Родины, красоты русской природы был сюжетом для произведений Шишкина, которого современники называли «лесным богатырём-художником», «царём леса».

Николай
Красильников
Художник Г. Беда

РАССКАЗЫ

ПЕВУН

За дорогой — пшеничное поле. Колосья налились. Стоят литые, тяжёлые, будто вобрали в себя весь летний зной, напитались росой и грозами. На закате и на рассвете, когда на землю опускается недолгая прохлада, с поля доносится отрывистый и требовательный голос перепела:

— Подь-полоть! Подь-полоть!

Бабушка, услышав его, всякий раз откладывает на минутку дела и добродушно ворчит:

— Ишь, дурень, нашёл время полоть. Прозевал, милочка. Не полоть надобно, а уж косить пора, — и сама улыбается...

Бабушка, как всегда, права. С первыми лучами солнца выходят в поле комбайны. Рокочут деловито и сноровисто. И вскоре там, где колыхались бронзовые волны, поле оцетинивается колючей стернёй.

А в полдень сынишка комбайнёра Севастьяна, бегавший к отцу в поле с узелком еды, принёс в посёлок рябого перепела. Птица была... мёртвой — попала под острую косилку.

Может, это был тот самый певун, который тщетно звал людей на прополку? И впервые за всё лето вдруг тихо стало в поле и сиротливо на душе. Особенно на закате и на рассвете. И ветер свистел такой одинокий и пыльный... И колючая стерня навевала уныние.

Неуютно жить на земле без песни, хоть и перепелиной.

Белянка

Белянкино молоко было на редкость вкусным. В любом виде. Борька, например, любил парное, я — холодное, только что вынутое из подпола, а Вовка мог запросто выдуть целую махотку простокваши. Самыми вкусными были, конечно, сливки. Сливки доставались Галке со Светкой. Но мы не обижались на бабушку. Уж больно они худущие были: война давно уж кончилась, а наши девчонки всё никак не могли поправиться.

Вкусным было молоко у Белянки, но давала она его мало. На такую ораву его явно не хватало. И бабушка решила поменять Белянку на более молочную корову. С придачей, конечно. Надоумила её на это наша соседка тетка Аксинья.

«**Н**е ко двору у тебя Белянка. Не ко двору! Вы все чернявые, как головешки, прости Господи, — втолковывала она бабушке, — а корова у тебя какая? Одно слово — Белянка!»

Тетка Аксинья и замену подобрала Белянке — Татьянину Чернуху. И Татьяну убедила. Ты, мол, одна живешь, тебе молока хватит, к тому же она в твою масть — белявенькая!

Узнав о предстоящем обмене, мы кинулись отговаривать бабушку. «Для вас же, глупые, стараясь...» — только и сказала она нам.

Большее всех переживал Вовка. Он ведь с бабушкой — и летом, и зимой. Это мы приезжали только на каникулы. Вовка заперся в амбаре и долго стоял там у стенки, размазывая кулаком слёзы. Мы на него по очереди глядели в окошко. Нам было жалко Вовку. И Белянку, конечно.

Наш сосед, старик Кулешов, глядя на Белянку, часто говорил: «Эко ладная у вас коровёнка!» Как понять — ладная? Ну, не большая и не маленькая. Не худая и не бокастая... Шерсть её, белая с желтоватыми причудливыми пятнами, всегда была чистой. Это уж бабушка старалась: как что, тут же щетку в воду и давай скрести, начищать. А самое главное — Белянка, как говорится, знала свой двор. Не то, что некоторые... Другая хозяйка всё село обегает, пока свою корову найдёт. А Бе-

лянка была не такой. Пригнали стадо — она тут же к дому. Идет напрямик через канаву, ручей, кусты. Ещё издали мычит: мол, я иду, вы готовы?

Услышав Белянкин голос, бабушка бежала за мешком повители, которую мы рвали в картошке и вытряхивали под ветлой. Надевала другой фартук — почище! — хватала подойник, маленькую скамеечку и выбегала на крыльцо. «Сейчас, милка моя, сейчас», — шептала она на ходу.

Весело и звонко бьются молочные струйки в пустом подойнике. Но вот в ведре появляется пышная пена — и струйки становятся тише — шп-пш-пш... — переходят они на шепот.

Белянка оглядывается, строго смотрит на бабушку — ну как, не всё ещё?

Закончив доить, бабушка что-то шепчет и мелко крестит Белянку. Теперь Белянка переходит в наши руки.

— **К**уда погоним? — спрашиваю я Вовку. Вовка задумчиво морщит лоб, хотя есть единственное место в селе, где можно ещё пасти Белянку, — Старый сад.

В Старом саду — заросли малины, одичавшие вишни, яблони с обломанными ветвями. Сюда пригоняют коров все ребята с нашего заулка.

Коровы щиплют, не поднимая головы. Как будто и не паслись целый день. Временами они довольно отдуваются. То одна, то другая. И снова — вжик... вжик... вжик... Но вскоре всё заглушают лягушки. Это у них начался вечерний концерт. Дирижера у них, разумеется, нет, и поэтому каждая старается сама по себе, заботясь лишь об одном — перекричать свою соседку. Которые послабее, постепенно замолкают. И вот остаётся одна — самая кваксистая лягушка. Её победный голос долго ещё слышен на пруду. После лягу-

шек наступает черед кузнециков. У этих получается слаженнее. Они тянут свою нескончаемую песню на одной ноте. И через некоторое время начинает казаться, что это вовсе не кузнички, сама ночь звучит, что это её голос...

«**Б**елянка, домой!» — кричит Вовка. И Белянка, щипнув на ходу в последний раз, направляется к дому. Идет она как всегда быстро, напрямую, никуда не сворачивая. Мы

забегаем вперёд и уже в кромешной тьме, на ощупь, открываем ей ворота.

И вот настал день, когда Белянку увели, а в нашем дворе появилась Чернуха. Бабушка договорилась с Татьяной: первое время, пока коровы не привыкнут, встречать их и разводить по новым домам. Так и было сделано.

Когда пригнали стадо, бабушка подозвала Белянку, привязала к рогам веревку и передала Белянку Татьяне. А та ей — Чернуху, тоже на верёвке. Чернуха послушно пошла за бабушкой. А Белянка? Она замотала головой: то ли пытаюсь сбросить верёвку, то ли сказать — нет! нет! И вдруг как рванёт в сторону. Татьяна, поскользнувшись на свежей коровьей лепехе, упала. Белянка же, как ни в чем не бывало, деловито — через канаву, ручей и кусты — устремилась к нашему дому. И встала на свое место под ветлой.

Бабушка доила её и плакала. А мы радовались. Потому что поняли — никому бабушка не отдаст нашу Белянку. И больше всех радовался Вовка.

Птица 2017 года

Буроголовая гаичка

Эту маленькую, незаметную птичку — буроголовую гаичку заметил Союз охраны птиц России и избрал птицей 2017 года.

Буроголовая гаичка обитает по всей территории нашей страны, зимую не только в средней полосе, но и в Якутии, на «полюсе холода», где нередко морозы достигают до минус 50 градусов. В такие холода гаичка сильно распушает свое оперение, становясь похожей на пухлый шарик, за что в народе её называют пухляком. В суровые зимы птичку спасают за-

пасы корма, сделанные ею в тёплое время года из семян ели и мелких насекомых.

Буроголовая гаичка — типичный лесной житель, в городах её можно встретить разве что в лесопарках.

«И землю»

Как при имени Сергей Есенин мы почти автоматически вспоминаем «Клён ты мой опавший...», при имени Ивана Крылова: «Ах, Моська, знать, она сильна...», а памятью о любимом Александре Сергеевиче, — «Я помню чудное мгновенье», так и, вспоминая Игоря Северянина, выскочит-таки, как чёрт из табакерки, его знаменитая строка: «Я гений, Игорь Северянин...»

Конечно, любой воспитанный человек мысленно покачает головой в знак неодобрения таких неосторожных строк... если не узнает об этом удивительном человеке чуть побольше, не коснётся его полуфантастической биографии и недолгой жизни для человека незаурядного творческого дара.

Ну, разве не фантастика выступать в качестве известного поэта в европейских залах наравне с признанным глашатаем Владимиром Маяковским, — имея за спиной всего несколько классов начального образования?

И тем не менее Игорь Северянин был не просто одним из самых популярных стихотворцев в стране, но и официально признан как «Король поэтов»! Что, конечно же, не могло нравиться Маяковскому, но осознание собственного мощного поэтического дара помогло ему философски глянуть на этот факт и в дальнейшем вполне мирно сотрудничать с собратом по перу. Чтобы закрыть эту необычную во многом тему, стоит пояснить, что звание «Короля поэтов» было завоёвано Северянином в открытом соревновании 27 февраля 1918 года, и не где-нибудь, а на вечере в московском Политехническом музее, ставшем впоследствии знаменитым центром русской поэзии. И в наши дни, к примеру, признанный классик Евгений Евтушенко регулярно проводит там свои творческие вечера. А сто лет назад в этом зале второе место занял Владимир Маяковский, третье — Василий Каменский, о котором сегодня, увы, мало кто знает.

Игорь Северянин

И как было не плениться такими, к примеру, стихами Игоря Северянина?

*Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви...*

*Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят: нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим...*

Надо признать, что, окончив всего-то 4 класса Череповецкого реального училища, тогда ещё Игорь Лотарёв ни на минуту не сомневался в своём блестящем будущем и шёл к этому буквально семимильными шагами, словно зная наперёд, что век ему отпущен очень не

русскую целуя!..»

долгий. Но и были обстоятельства, что весьма поддерживали в подростковом возрасте веру в себя. А как же: отец, Василий Петрович, — образованный человек, военный инженер, который конечно же воспитывал Игоря соответственно своему статусу. А мать, Наталья Степановна, передала сыну весьма богатую основу для осознания себя избранником судьбы: в родословном древе семьи отмечился род Шеншиных, что подарил России Афанасия Фета; одна из ветвей вела аж к знаменитому историку Николаю Карамзину, а более поздние родственные связи тянулись к известной революционерке Александре Коллонтай...

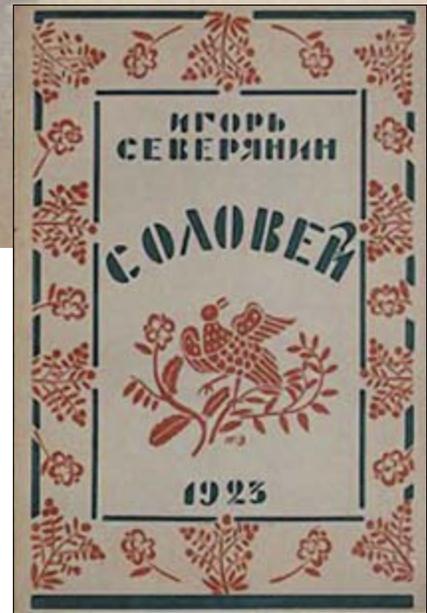
Первые стихи его увидели свет, когда будущему «Королю поэтов» было всего 8 лет. Позднее он задумался над своей фамилией и решил, что к имени прибавит звучное «Северянин», которое в конце концов и станет его фамилией как поэта.

*...Спущусь к реке, взгляну
На илистый атлас;
Взгрустнется ли, — а ну,
А ну печаль от глаз.*

И за этим восторгом стояла реальная влюблённость Игоря в Женечку Гуцан, которой лично или опосредованно было посвящено немало стихов набравшего творческой силы и опыта поэта. Женеч-

Игорь Северянин в детстве

ка была очень хороша собой (со светлыми вьющимися волосами и стройной фигурой) и отвечала будущему «Королю поэтов» взаимностью. Игорь дал ей соответствующее имя — Злата, которое и украшало его поэзию. Познакомились они в Гатчине в 1905 году. Тогда же и появилась первая публикация — в журнале «Досуг и дело». А после он принялся издавать маленькие книжечки своих стихов, за 7–8 лет — больше 30, которые всё-таки помогли пробиться к вниманию читателя.

*Идет весна в сиреновой накидке,
В широкой шляпе бледно-голубой,
И ландышей невидимые струйки
Бубенчиками в воздухе звучат...
Она, смеясь, мои щекочет нервы,
Кокетничает мило и остро...
Я к ней спешу, и золотую Златой
Вдруг делается юная весна,
Идущая в сиреновой накидке,
В широкой шляпе бледно-голубой...*

И одна из первых его книг была не случайно названа «Златолирой».

К сожалению, жизнь всё-таки разлучила эту пару, несмотря на общую дочь,

Дом-музей И. Северянина

очень похожую на отца. Но первая большая любовь, воспоминания о ней помогли обоим, особенно в непростые годы перед Второй мировой войной. В одну из последних встреч Игорь Северянин убедился, что даже в 50 лет его муза осталась красавицей. И русская поэзия благодарна ей за разбуженный в Северянине яркий потенциал стихотворца, за весь недолгий путь одного из самых заметных лириков тех лет.

Одним из первых поддержал Игоря Северянина поэт Константин Фофанов и немало дал ему как литературный учитель. А в 1909 году его стихи услышал от очередного гостя Лев Толстой и был буквально возмущён одним из них, где женщина, по мнению классика, выглядела почти вульгарно. Это было одно из иронических стихотворений, которое великий прозаик принял, по-видимому, всерьёз. Это неожиданное событие мгновенно сработало на известность поэта. «С легкой руки Толстого... меня стали бранить все, кому было не лень. Журналы стали печатать охотно мои стихи, организаторы благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них... участие», — вспоминал Игорь Васильевич.

Словом, Северянин вошел не только в литературу, но и в моду. Его открыто поддержали и Валерий Брюсов, и Федор Сологуб, написавший в 1913 году предисловие к его сборнику «Громокипящий кубок», где было немало похвальных слов в адрес автора. А после пригласил новую литературную звезду в турне по России.

Северянин был действительно неповторимым поэтом в созданной им галак-

тике — со своим языком, свободными ритмами, игрой слов, приобретающих под его пером как минимум новый окрас.

*...О небо, небо! Твой путь воздушен!
О поле, поле! Ты — грёзы верфь!
Я онебесен! Я онездешен!
И бог мне равен, и равен червь!*

И даже переключка с самим Державиным («...Я царь — я раб — я червь — я бог!») не перевешивает оригинальности самого Северянина.

Но и этого, казалось, было мало Игорю Васильевичу. На волне известности и тесного общения с литературными мэтрами он создаёт своё направление в поэзии — эгофутуризм, где главное место отдаётся душе, — но без отрицания опыта русской поэзии. По поводу эгофутуризма от души позднее иронизировал Корней Чуковский на примере стихов Северянина: «Гордец, ты любил уверять, что у тебя, в твоей родной Арлекинии, есть свой придворный гарем:

*У меня дворец пятнадцатипятиэтажный,
У меня принцесса в каждом этаже!*

И странно: тебе это шло, тебе это было к лицу, как будто ты и вправду инкогнито-принц...»

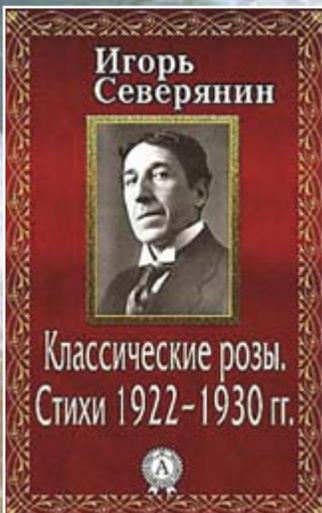
И действительно, дело вовсе не в каком-то новом литературном течении, которое, кстати, оказалось недолговечным. Талант Северянина опрокидывал рамки любых условностей, и волна истинного чувства и мысли сметала всё на своём пути.

*Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!*

*Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!*

*...Шумите, вешние дубравы!
Расте, трава! Цвети, сирень!
Винных нет: все люди правы
В такой благословенный день!*

К двадцатым годам XX века Игорь Северянин — уже опытный поэт не только

Владимировка — родина поэта

в самих стихах, но и на эстраде, его «позвоконцерты» пользуются, как правило, неизменным успехом. Даже сами названия книг были своеобразной визитной карточкой: «Громокипящий кубок», «Златолира», «Ананасы в шампанском», «Менестрель», «Соловей», «Классические розы»...

С 1918 года новоиспечённый «Король поэтов» живет в Эстонии, оказавшись после провозглашения её самостоятельным государством за пределами родины.

Эти два десятка лет были очень насыщенными для Северянина. Его давно уже признала Европа, и встречи проходили в разных городах и странах. Так, в Берлине он выступал рядом с Владимиром Маяковским и Алексеем Толстым, в Польше — вечер в Русском доме, во Франции — выступление в парижском Зале Шопена, а в 1919 году совершает турне по Болгарии и проводит там «лировечера», как сообщала пресса, причём возвращается в эту страну ещё раз, уже в 1933 году. А Белградская Академия наук издаёт его книгу «Классические розы», в которую вошли лучшие стихи поэта 1922–1930 гг.

И снова — поездки: Чехия, Австрия... А что уж говорить о его многочисленных вечерах в городах и весях России! Борис Пастернак вспоминал, что главным соперником Маяковского в те годы был Игорь Северянин...

Продолжается и творческо-издательская деятельность. В 1925 году выходит его «роман в строфах» «Рояль Леандра», следом — «Колокола собора чувств», а в 1928-м он издаёт Антологию

эстонской лирики за 100 лет. И только после его ухода была издана книга документальной прозы «Уснувшие весны». Конечно же, это была проза поэта — о жизни, о русских писателях, об Эстонии, о вынужденных порой скитаниях.

И, естественно, главной для него любовью всегда была Россия. Вот о чём он мечтал с матерью, Натальей Степановной:

*...И будет праздник... большой, большой,
Таких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...*

*И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую!*

Игорь Северянин спешил жить и делал это ярко и плодотворно. Он умер в оккупированном фашистами Таллинне зимой 1941 года в возрасте 54 лет и похоронен там на православном Александрово-Невском кладбище.

*Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоён:
Я повсеградно озкранен!
Я повсесердно утверждён!*

*...До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!*

И кто сегодня подвергнет сомнению эти стихи, каждое слово в которых оплачено сердцем и судьбой?

Когда мамы с папой

Наталья Бондаренко

Художник Л. Зубарёва

нет дома

Иногда, когда мамы с папой нет дома, мы с сестрой Алькой так хозяйничаем, та-ак хозяйничаем!.. Пол — блестит, посуда — как новенькая, повсюду расписные бумажные салфетки понатыканы, словом, в квартире — шик да блеск! А ещё для уюта Алинка опускает на окна жалюзи и задёргивает шторы — получается полумрак — как в ресторане.

— А почему сидите в темноте? — первым делом спрашивает нас мама, придя с работы. И, не дожидаясь ответа, она быстро расшторивает окна и замечает всю нашу красоту. И хвалит нас за старание.

Однажды мы не только убрались, но методом проб и ошибок испекли печенье. А я в придачу ещё и ужин приготовил!

— Наконец-то дети прошли кулинарные «университеты», — сказал папа после этого маме.

Это означает, я так понял, мы с сестрой теперь настоящие повара.

Как ими стали? Очень просто.

Всем известно, что девочки чуть ли не с пелёнок приступают к кухонным делам. Если говорить про мою сестру, то она, когда была крохой, специализировалась, по рассказам мамы, на тесте. Запускала ладошки в муку, горох, сахар, горчицу, все эти продукты смешива-

ла, заливала водой или тем, что подвернётся под руку, например, компотом, и начинала месить. Но до выпекания дело не доходило. Вот почему. Выпустив случайно малышку из виду, наша бдительная мама вовремя спохватывалась: «А где у нас Алечка?» — «На кухне посмотри», — отвечал папа. Мама вихрем неслась по указанному адресу и немедленно сворачивала Алкин эксперимент.

Когда я подросток, стал помогать Алинке.

Как-то раз остались мы одни, без маминого неусыпного внимания, и решили испечь печенье. «Если у Алины кулинарный талант, — подумалось мне, — то почему бы не сделать маме с папой съедобный сюрприз?!» Я предложил, а Алька, такая радостная, подхватила. Целиком и полностью я, естественно, положился на её опыт — стаж у сестры, как уже знаете, с самого рождения. Я представил, как родители вернутся с работы голодные, а на столе — наша чудовыпечка! От таких фантазий у меня за спиной выросли крылья. Сестрица тоже засуетилась, схватила старинную поваренную книгу, в ней — всё о цветах, выкройки, гигиена, рукоделие — многовековой опыт женских дел, и стала её листать. Перевер-

нув раздел «Мать и дитя», она наткнулась на рецепт домашнего печенья. Прочла его вслух.

Самое главное, как мы поняли из рецепта, нужно было правильно замесить тесто. Что-то, а с этим у Алинки полный порядок! Поэтому бразды правления я отдал сестре, сам же решил быть на подхвате. Аля не возражала, напротив — обрадовалась, что стала главной. Перечитав рецепт, она заявила голосом главного кондитера, что печенья выйдет с гулькин нос: берётся всего-то три стакана муки, три яйца и один стакан сахара.

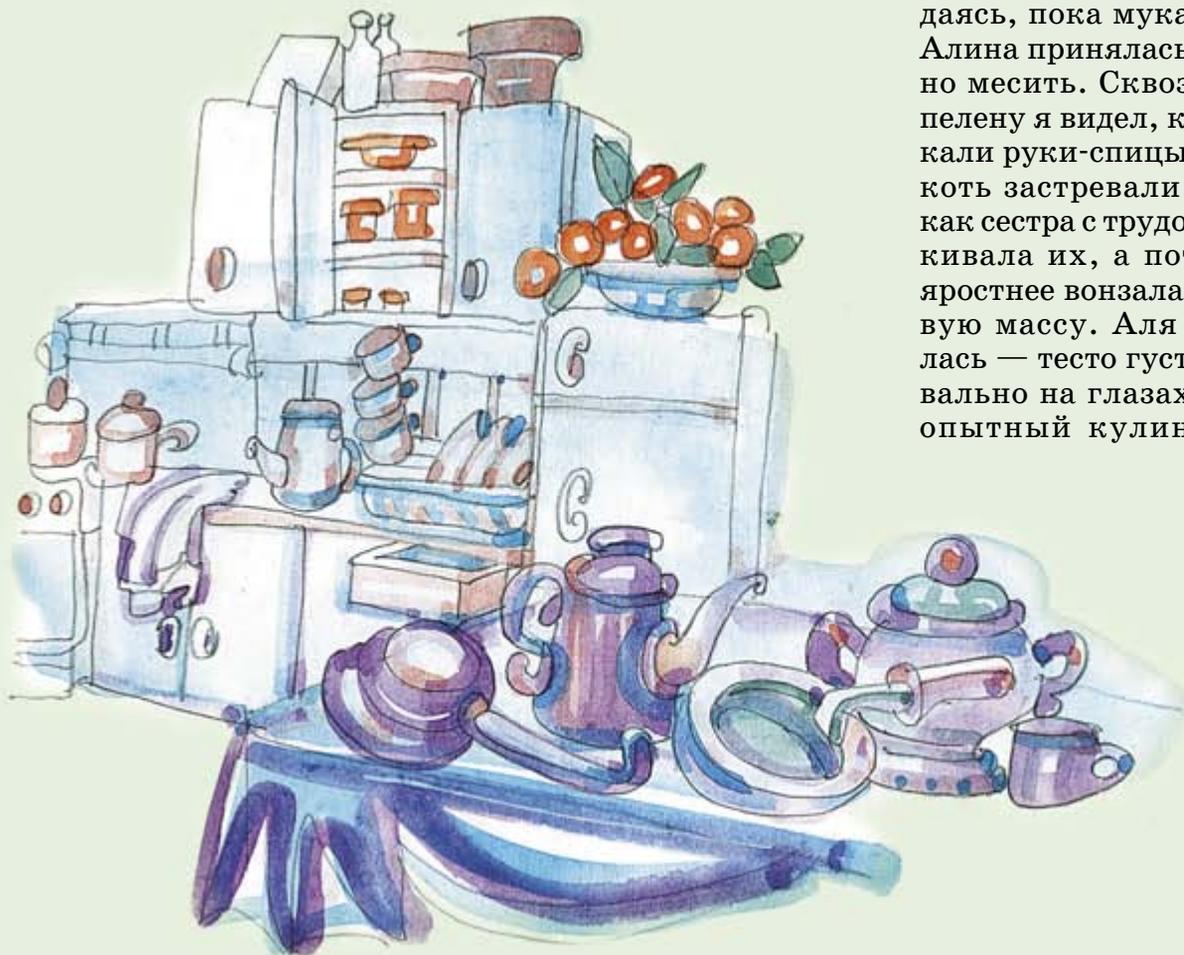
— А не увеличить ли нам объём в восемь раз? — прикинул я вслух. — Получится по две порции каждому.

— Здорово! — одобрила Алька, и мы тут же приступили. Взяли самый большой таз, и Алинка бухнула в него 24 стакана муки. Я — рядом, на подхвате. Потом сестрица достала из холодильника яйца и стала, разбивая их, ловко одно за другим блякать в муку. Я считал: одно, второе, третье... двадцать четвёртое... Стоп! Озеро из яиц расплылось по тазу солнечной глазурью — красотища!

— Неси сахар! — оторвала меня от созерцания яичного чуда Алинка. Я слепо подчинился.

Сахара хватило еле-еле. Были ещё соль, сода, ванилин, масло... Мы всё делали по книге точь-в-точь. Но тесто, как на грех, не хотело соединяться воедино. Мы мяли его в четыре руки, обливаясь потом, но оно не слушалось нас. И тут Алинку осенило: надо добавить воды! Муки слишком много, как пояснила она, вот тесто и не склеивается. Получив моё согласие на воду, сестрица

стала колдовать над тестом уже произвольно, на глазок: поставила таз с тестом в мойку, кран открыла, и тесто под струёй воды... поплыло! На наших глазах оно превратилось в белый кисель! Мне сразу расхотелось с ним возиться. Закрыв кран, Алька кинулась собирать размазную в кучу, стала спасать тесто. Но у неё ничего не выходило. Я глядел и думал: «Зря, ничего не получится...» И тут Алина смекнула: надо добавить муки для густоты. Пришлось мне по её приказу срочно бежать в магазин — продукт кончился. Только я нарисовался в двери, Алинка — тут как тут! — выхватила из моих рук килограммовый куль и в две секунды высыпала его содержимое в таз. Над тазом взлетело мучное облако, и изображение пропало. Не дожидаясь, пока мука осядет, Алина принялась отчаянно месить. Сквозь белую пелену я видел, как мелькали руки-спицы и по локоть застревали в тесте, как сестра с трудом вытаскивала их, а потом ещё яростнее вонзала в гипсовую массу. Аля торопилась — тесто густело буквально на глазах, и, как опытный кулинар, она

понимала, что оно вот-вот закаменеет. Я — тут как тут — ежесекундно на подхвате. Алина — красная, перепачканная в муке — едва успевала отдавать мне распоряжения. Пришлось ещё лить воду в таз — тесто не хотело слипаться, и опять бежать в магазин за мукой — переборщили-таки с водой! Сестра была на пределе: чиркни спичку — взорвётся. А я — ничего, выполняю Алькины приказы.

Наконец мы перевернули тяжёлую посудину и вывалили тесто на стол. Алина принялась мять тесто по новой. Но, на нашу беду, оно не хотело отлепляться от крышки стола, сколько сестрица ни билась. Тут я вспомнил, как в телепередаче готовили пельмени: сначала посыпали стол мукой и только потом раскатывали тесто. Так мы и сделали. А после я крутил белую пластилиновую массу на мясорубке, как написано в книге. И теперь уже Алька была на подхвате: срезала ножом жгутики, выходящие из дырочек, и выкладывала их на противни и сковородки, коих нам

катастрофически не хватало. В дело пошли и все мамины тарелки. А тесто всё не кончалось. Первая порция выпечки, вынутая из духовки, на вид не впечатляла. Все последующие — тоже. У мамы печенье получается с виду аппетитным, на вкус — пальчики оближешь. Наши же синеватые коврижки сверху были ещё ничего, а если посмотреть снизу — чернее ночи. Алинка кинулась соскребать с них сажу. Теперь уже я был на подхвате. В результате стали чумазыми, как те четыре чертёнка. Я глянул на себя в зеркало и промурлыкал:

— Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж.

Потом я попробовал печенку. Ничего себе!.. Чуть зуб не сломал! Как только сестрица отвлеклась, я быстро отрезал от мучной горы приличный кусок и выбросил его в мусоропровод. Достало это тесто!

Наконец всё было кончено. Печенья получилось таз с верхом. И ещё полная кастрюля. Откуда-то взялась грязная посуда — целая Останкинская башня, хотя мы не ели. И оказалось, что я случайно вместе с тестом выбросил в мусоропровод мамин расписной поднос.

Алька не стала пробовать творенье наших рук. Было видно, что любовь кстряпне у неё навсегда улетучилась. Она поплелась в комнату и рухнула как подкошенная на диван. «Завяли помидоры!» — хотел я приколоться, но промолчал. Посуду пришлось мыть мне одному.

— Детки, привет! — ключ в двери повернулся. Вошли родители.

— Не скучали? — спросила мама.

И тут мамин взгляд упал на таз с печеньем — он громоздился на столе.

— Ой! — всплеснула мама руками.

В этот момент в кухню вошёл папа... и открыл рот. Его таз потряс. Будто впервые папка видел наш медный таз, в котором мама варит варенье. Даже очки протёр.

Мама первая пришла в себя, улыбнулась кривовато. Потом, вытянув смешно губы, она поцеловала меня в макушку громким шутивным поцелуем, вот так: «Мму!»

— Ух ты! Целый центнер печенья! — с опозданием обрадовался папка. Потом заметил удовлетворённо: — На наш век точно хватит!

Я что-то проямлил в ответ.

Давно папка так не смеялся... Чуть не лопнул от хохота! Он тоже, как и я, ед-

ва зуб не сломал. Печенье оказалось ну очень прочным. Стальным. Ведь мы пекли его на совесть. А когда весь смех из папы вышел, он, обняв меня железными руками, спросил:

— Тёмка, судя по твоему грязному виду, ты был подручным, а где же главный кулинар?

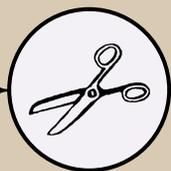
— Я на побегушках был, па. Целых два раза сгонял в магазин за мукой!

— Тс-с, — приложила мама палец к губам. — Алечка спит, — сказала она и позвала нас в комнату.

— Взгляни на её руки, — обратилась мама к папе, останавливаясь возле дивана.

Я тоже посмотрел. И надо же! По самые локти Алькины руки были в скафандре из засохшего теста. Первый раз в жизни я видел такие перчатки. Они были... как у Гагарина. Как на той фотографии.

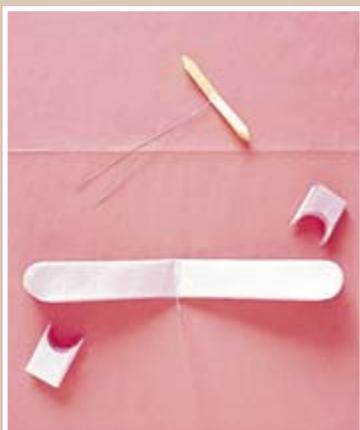
УМЕЛЫЕ РУКИ

Букет для любимой мамы

Дорогие друзья, накануне праздника 8 марта мы покажем вам, как сделать букет нежных цветов из цветной бумаги. Пионы в самом начале весны — неужели такое возможно? Попробуйте проверить сами! Ваша мама будет очень рада такому подарку.

По материалам сайта
www.warfaceinfo.ru

Павел Гусев
Художник В. Юдин

Ванильные

СУХАРИКИ

Я зашел к приятелю. Он усадил меня за стол и стал угощать чаем. Сам пьет чай и смотрит на ванильные сухарики, улыбается и говорит:

— Хочешь, я тебе расскажу историю про эти ароматные сухарики.

И он, не спеша, словно ему самому было приятно вспомнить, начал своё повествование.

— После Великой Отечественной войны меня призвали в Советскую Армию, в пограничные войска. Служил я на границе три года в звании сержанта. Чем ближе к демобилизации, тем сильнее мне хотелось поест белых ванильных сухариков, а на заставе повар за все прошедшие годы выпекал только чёрный хлеб.

И я обратился к старшине, который собирался ехать верхом на лошади в комендатуру, а там в сельмаге продавался этот продукт.

— Товарищ старшина, привезите мне белых ванильных сухариков, — сказал я ему.

Он так странно посмотрел на меня и сказал:

— Хорошо, сержант!

Привез их полмешка, дает мне со смешинкой в глазах и спрашивает:

— Тебе хватит, грызунок?

— Так точно! — говорю, — до самой демобилизации достаточно.

В тот день я должен был пойти в дозор по пограничной тропе. С утра прошел дождь, и в воздухе стояла сырость. В такую погоду у меня ныла лодыжка, я её подвернул, когда месяц назад задерживал нарушителя. Врач сказал — со временем пройдет!

Так вот, — продолжал мой приятель, — положил я в карман сухарики и, получив приказ от начальника заставы по охране рубежей нашей родины, пошел, прихрамывая, с напарником-солдатом по знакомой тропе. Похрустываю с ним сухариками, а запах от них разносится медовый с ванилью вокруг нас. Я радуюсь, у меня мечта сбылась и наслаждаюсь этим. Половину пути прошли, и слы-

шу — кто-то позади нас чмокает. Оглянулся я, а это маленький медвежонок за нами топает, видно, сладкие крошки от сухариков нашел, а может, привлёк его медовый запах — не знаю. Мы настожились — где медвежонок, там должна быть и мама-медведица.

А малыш смело идёт к нам. Я ему сухарик дал. Он его слопал и ещё просит; когда последний схватил — убежал.

Посмеялись мы с напарником и пошли по заданному нам маршруту. Тут солдат мне говорит:

— Вот если бы медвежьей шерстью приложил к ноге, она перестала бы болеть. Так меня бабушка от ломоты лечила.

Вернувшись после выполненного задания, я

доложил об увиденном начальнику заставы, а старшина говорит:

— Если в следующий раз встретишь медвежонка, шугани его так, чтобы никогда не появлялся! Он может нечаянно повредить сигнализацию границы.

На следующий день меня опять направили в дозор. Взял я сухарики, и мы с напарником пошли.

Смотрим, а там, где кормили медвежонка, он крутится. Встал на задние лапы, унюхал нас и заторопился навстречу.

Даю я ему сухарик за сухариком и шерсть расческой счёсываю, а ему, видно, это нравится, стоит урчит и хруст из пасти доносится! И слюни от удовольствия каплют. Сlopал он всё, а последний сухарик забрал, наверное маме и дал дёру.

На заставе старшина задаёт вопрос:

— Видел медвежонка?

— Да, — отвечаю, — хотел его шугануть, а он сам убежал.

— В следующий наряд пойдёшь в секрет, — предупредил меня старшина, — мне дано указание начальника заставы подготовить тебя и одного солдата к этому заданию. Кстати, это будет тебе последний приказ по охране границы. Пришла телеграмма о твоей демобилизации.

В этот день я сделал повязку из шерсти медвежонка и обернул ею ногу.

Еще не рассвело, меня с напарником подняли, и мы, получив инструктаж, при полном боевом снаряжении, пошли на указанный нам пост.

Предварительно я взял сухарики.

Место пребывания нашего секрета было самым далеким от заставы. Дойдя до него, мы залегли. Рассвет только пробивался с вершин гор. Луна ярко светила, это был первый день полнолуния. Стояла тишина, можно было услышать незначительный шорох. Мы сами не двигались, чтобы не производить шум, и нам было не до сухариков.

И тут что-то тихо зафырало и показалась маленькая движущаяся фигурка. Это был медвежонок.

— Как он нашел нас? — шёпотом спрашиваю напарника.

— А ты же теперь в медвежьей шерсти, родственник ему, вот по запаху и определил тебя.

И тут медвежонок, освещённый луной, насторожился, шерстка вздыбилась, уши поднял. А в чащобе позади нас что-то зашелестело. Я дал сигнал солдату, чтобы тот отполз в сторону. И из густых кустов вышел нарушитель. Он уви-

дел стоявшего перед ним медвежонка, оторопел, оглянулся назад, а там неизвестно откуда появилась медведица и рычит. Диверсант от испуга встал словно статуя. Тут и мы с напарником выскочили, один с правой стороны, другой с левой и связали его. Нарушитель глазами хлопает и, заикаясь, лопочет:

— Никогда не думал, что бывает такая охрана границы.

Повели мы задержанного на заставу, а сухарики все оставили медведям.

Будучи уже дома, я получил письмо от старшины. В нем он писал, что сам принес ванильные сухарики на тропу, где мы впервые встретили медвежонка. Мама стала поедать их, а медвежонок бегал вокруг, заглядывал в кусты, ныл, плакал, всё искал нас и к сухарикам так и не притронулся.

Мой товарищ помолчал, а потом, вздохнув, промолвил:

— А у меня от шерстки медвежонка лодыжка перестала болеть.

Сергей Глядкин

РОБОТЫ и художественное творчество

(Продолжение. Начало см. в № 1, 2.2017)

Художественное творчество — важный инструмент исследования нашей темы. Недаром решающий вклад в осмысление связанных с роботами вопросов внесли не столько инженеры, сколько писатели, художники и кинематографисты. Обратимся к истории — само слово «робот» возникло, когда чешский писатель Карел Чапек рассказал своему брату-художнику Йозефу, что он придумал интересный сюжет для пьесы, но не знает, как назвать действующих в ней персонажей. «А назови их роботами», — посоветовал брат, после того как Карел рассказал ему содержание. Вот так в историю человечества вошли роботы. Пьеса «R.U.R. (Россумские универсальные роботы)» была напечатана в 1920 году, через год в Праге состоялась премьера постановки, а в 1923-м она была переведена на английский. Слово понравилось и запомнилось. Чапек несомненно обладал даром предвидения потому, что он уже тогда описал основные проблемы, связанные с роботами: создание человекообразных существ, предназначенных для того, чтобы работать на человека; их превосходство над людьми; бунт роботов.

Подхватил эстафету другой писатель-фантаст Айзек Азимов. Он создал целый цикл произведений о роботах, где сформулировал Три закона робототехники. Смысл Законов в том, чтобы предотвратить связанные с роботами опасности. Так Первый закон гласит, что робот не может причинить вред человеку. Однако мало сформулировать закон, нужно обеспечить его выполнение, ведь робот подчиняется тем законам, которые закладывают в его программу создатели. В связи с этим очень на-

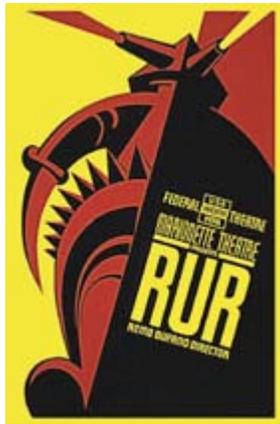

стораживают проводимые в наше время работы по созданию автономных боевых роботов, в принципе не подчиняющихся Первому закону. Но даже соблюдение Первого закона не дает стопроцентной гарантии. Ведь робот руководствуется формальной логикой, а значит, нужно точное определение понятия «человек». Например, если робот считает человеком только существо, говорящее по-английски, то француза, немца или русского он не будет воспринимать как человека. Очень сложно формально, но вместе с тем исчерпывающе, определить, кто такой человек. Эта проблема решалась мыслителями ещё с античных времен, но последняя точка так и не была поставлена.

Взаимодействие людей с роботами (и наоборот) во многом определяется нравственными нормами, а потому и литература, и другие художественные средства уместны и даже необходимы. Как говорил Азимов: «Я совершенно серьёзно полагаю, что научная фантастика есть одно из звеньев, которые помогают соединить человечество. Проблемы, которые мы поднимаем в фантастике, становятся насущными проблемами всего человечества». В самом деле, практически все классики научной фантастики: Брэдбери, Каттнер, Гаррисон, Хайнлайн, Лем и др. — внесли свой вклад в литературу о роботах.

На смену большой литературе пришёл большой кинематограф. Существует множество за-

Афиша к нью-йоркской постановке пьесы Чапека. 1939

мечательных фильмов на нашу тему. Пожалуй, первым нужно упомянуть очень красивый и исторически достоверный фильм «Хранитель времени» (2011), увлекательно рассказывающий о конце эпохи автоматов. Вообще в любом современном фантастическом фильме так или иначе задействованы роботы. В классическом «Терминаторе» (1984) роботы прибывают к нам из будущего, чтобы подправить ход истории. В эпической саге «Звёздные войны» (1977) заметную роль играет чудаковатый, но очень смысловый андроид R2D2, а кроме него ещё масса отдельных роботов и даже механические армии. Целое литературное направление, посвящённое боевым роботам, нашло воплощение в многосерийной истории о Трансформерах — инопланетной цивилизации роботов. Первый фильм о них вышел в 2007 году. В занимательной ленте «Робот и Фрэнк» (2012) исследуются возможности логического мышления роботов в сравнении с человеческим мышлением. И конечно, нельзя не упомянуть грустную и лирическую историю «ВАЛЛ-И» (2008), в которой вообще главные герои — роботы, а люди и их родная планета Земля являются только фоном, на котором разворачивается действие.

Но есть кино, специально посвящённое именно земным аспектам проблемы. Мы обсудим два примера, каждый из которых по своему знаковый. Первый — снятый ещё в 1981 году по роману Филипа Дика несколько мрачноватый фильм «Бегущий по лезвию». В

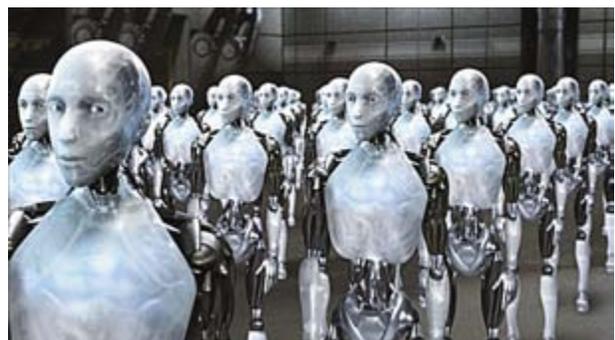
«Бегущий по лезвию». 1981

«Хранитель времени». 2011

нем биоинженерия достигла таких высот, что андроиды стали обычным явлением — их используют для освоения новых звёздных миров. Они значительно превосходят людей физическими и умственными возможностями, но при этом визуально неотличимы от людей (отличить можно только при помощи специальных психологических тестов). Конечно, андрониды противостоят людям, но и у них есть свои печали. В фильме впервые продемонстрировано, что со стороны людей вполне уместно сочувствие, несмотря на противостояние.

Второй фильм под названием «Я, робот» (2004) на первый взгляд представляет более светлое будущее. Роботы мирно уживаются с людьми и по мере сил помогают им. Но это только на первый взгляд. Нужно заметить, Азимов, сформулировав Три закона, затем добавил к ним ещё один — нулевой, — даже более приоритетный, чем первый. Нулевой закон гласил: робот не может причинить вред ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ. Так вот, «Я, робот» как раз опровергал логичность и справедливость нулевого закона. По сюжету фильма управляющий всеми роботами суперкомпьютер В.И.К.И. решает, что во имя этого самого ЧЕЛОВЕЧЕСТВА необходимо кардинально ограничить свободу всех жителей Земли (ведь нет худшего врага людей, чем они сами). К счастью, полицейский детектив Дэл Спунер с помощью своих сверхспособностей и дружелюбного робота сумел вовремя вырубить позитронное чудовище...

«Я, робот». 2004

Кирилл Бурлак

г. Медногорск, средняя школа № 3

Победитель районного конкурса
«Мой город мне дорог».

Мой Медногорск

Часто, гуляя по улицам своего города, я размышляю о том, за что я люблю его? Не хочу кривить душой, но сказать, что за красоту, — прозвучит некстати. Выбитые дороги, отсутствие тротуаров, аллей, минимум достопримечательностей — местами Медногорск напоминает декорации к фантастическому фильму, повествующему о временах после ядерной войны.

Все это вызывает не умиление в душе, а скорее горечь. Можно, конечно, душещипательно описать зимние красоты моего города. Но снег, к сожалению, имеет свойство таять... И снова из-под него выступают клочкастый сухостой и мусор. Мне повезло: меня родители возили в большие красивые города, в щедрые на красоты климатические зоны. Там интересно и здорово! Но... Мне не стыдно признаться, я выдерживаю там дней десять.

Не могу объяснить, откуда берётся это чувство — тоска. Зато как радостно бьётся сердце, отсчитывая железнодорожные стыки. Я еду домой! Я не знаю, люблю или нет свою малую родину, мой Медногорск, но я знаю точно, что ни в одном другом городе у меня не распрямляются так плечи. Ни в одном другом городе не вижу я таких приветливых глаз у прохожих, не услышу в автобусе столько безобидных подшучиваний пассажиров друг над другом. И ни в каком другом городе нет людей с такими теплыми сердцами, которым не страшен уральский мороз. Не знаю, могу ли я сказать «люблю» своему городу, но смело говорю своим землякам: «Лучше вас, дорогие земляки, нет нигде!»

Андрей Токарев

г. Кувандык, средняя школа № 5

Победитель областного конкурса
детского литературного творчества
«Рукописная книга», автор публикации
в сборнике «Шкатулка счастья».

Баба Шура, баба Сима

Баба Шура, баба Сима —

Это бабушки мои.

Они обе очень милы

И не так уж и стары.

Семь десятков за плечами

И у той, и у другой.

Нет у них тоски-печали,
Молоды они душой.
Я по бабушкам скучаю,
Их частенько навещаю,
Чем могу, им помогаю,
С ними я чай гоняю.

Мама

Кто мне скажет:

«С добрым утром!»?

Мама!

Кто накормит

Вкусным супом?

Мама!

С кем хожу я за грибами?

С кем сижу я на диване?

С мамой!

Кто терпеть будет часами,

Что вожусь я с запчастями?

Мама!

Кто мне скажет: «Как дела?»

Поцелует, как всегда?

Мама!

Анна Колодинская

г. Оренбург, гимназия № 5

В 6 лет стала лауреатом областного
конкурса «Рукописная книга»,
дипломантом межрегионального
конкурса «Алмазные грани»
(г. Екатеринбург).

Спор машин

Однажды собрались вместе три машины: Скорая, Пожарная и ГАИ. Они нашли канистру с бензином. Говорит Пожарная машина:

— Вот бензин, но он будет мой, потому что я столько страхов пережила: гуднет гудок — так быстрее, быстрее собирайся и выезжай, а на сбор максимум минуту дают. Потом в огонь лезь, людей спасай, а сама обгорай.

— Неправда, мне бензин нужнее, — сказала машина ГАИ. — Вот если ты попала в пробку, так ты бы весь день в ней и стояла бы, а на пожар не приехала бы. Кто тогда будет вас, машин, разводить? Конечно, ГАИ.

— Неправы вы обе, — сказала Скорая помощь. — Вот Пожарная людей из пожара спасёт, ГАИ при аварии порядок наведёт. А о здоровье людей кто позаботится? Вдруг кто-нибудь умрёт? Кто этому помешать может? Я! Я, и больше никто! Так что не спорьте, мы все нужны! А раз все нужны, то всем и достанется, только мне чуть-чуть побольше дадите, потому что я вас рассудила.

— А вдруг на всех не хватит? — спросила машина ГАИ.

— Хватит, — сказала Скорая помощь. — Канистра-то большая, каждому на полбака.

И они дружно зафыркали...

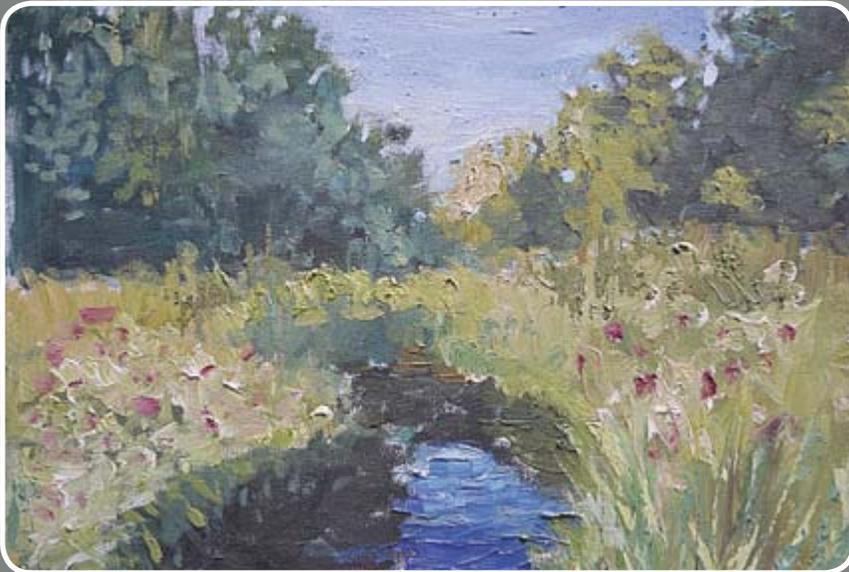
Наш ВЕРНИСАЖ

Владислав ЗАЙЦЕВ,
11 лет.
Краснодар,
МАОУ СОШ № 84

1

2

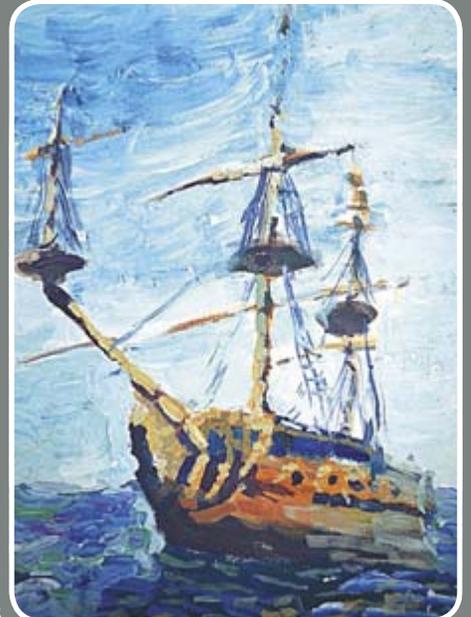
3

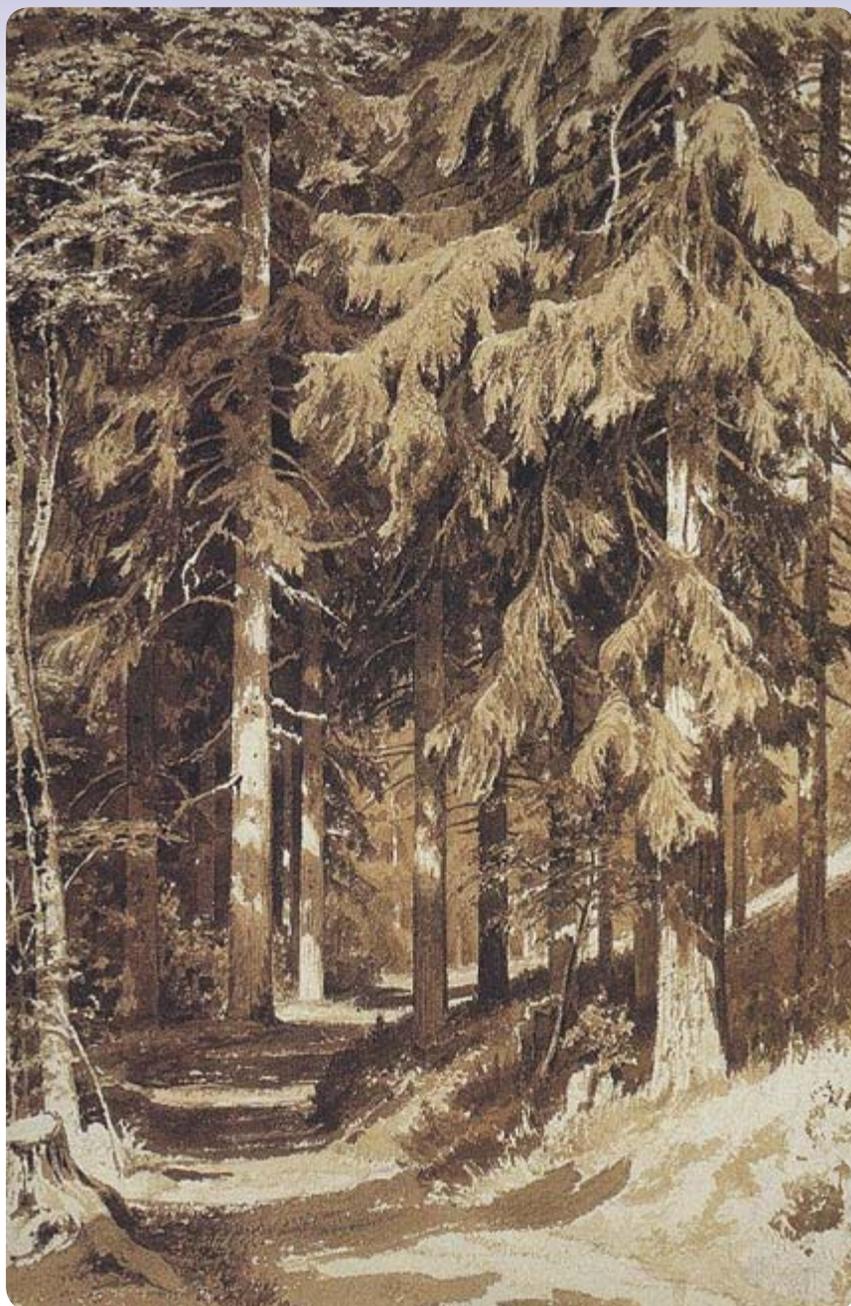
4

5

Среди русских пейзажистов Шишкину, бесспорно, принадлежит место самого сильного рисовальщика; в своих произведениях он является удивительным знатоком растительных форм, воспроизводящим их с тонким пониманием, как общего характера, так и в мельчайших отличительных деталях.

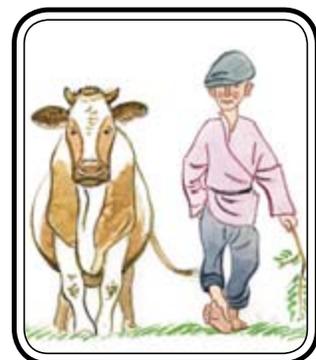
И. Шишкин. Дорожка в лесу. 1881 г.

ПТИЦА ГОДА:
Буроголовая гаичка

ИМЕНА:
Игорь Северянин

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Белянка

БУХТИНЫ:
Певун